

ОЛЬГА ЯРОШИНСКАЯ

АКАДЕМИЯ ХАОСА.
ЛАБИРИНТ
СТИХИЙ

Ольга Алексеевна Ярошинская

Академия хаоса.

Лабиринт стихий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69332914

SelfPub; 2023

Аннотация

В моей крови проснулся хаос, и теперь я должна научиться им управлять или запечатать его навсегда. В академии своя атмосфера: преподаватели то ли учат, то ли калечат, по ночам в общежитии шастает призрак, а на горизонте видна стена, за которую меня отправят в патруль – убивать тварей хаоса. Куда проще отказаться от магии и выйти замуж, и мама отчаянно толкает меня на этот путь. После первого курса все студенты отправляются в лабиринт стихий, где хаос принимает одну из шести форм. Я не знаю, кем выйду из лабиринта и выйду ли из него вовсе, но как иначе понять, кто я такая?

Содержание

Глава 1. Экзамен по практической магии	4
Глава 2. Перед балом	18
Глава 3. Старые знакомые	27
Глава 4. Новые знакомства	41
Глава 5. Выбор	55
Глава 6. Ученье свет	70
Глава 7. Полетели	85
Глава 8. Чужие цветы	97
Глава 9. Звезда хаоса	113
Глава 10. Свидание	125
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Ольга Ярошинская

Академия хаоса.

Лабиринт стихий

Глава 1. Экзамен по практической магии

– Вы провалили экзамен по практической магии, – ректор скосил глаза на бумаги, – Арнелла Алетт.

Всем своим видом он выражал скуку и досаду от того, что вынужден заниматься нерадивой студенткой, чье имя даже не удосужился запомнить, а я сжимала руки в кулаки так, что ногти впивались в кожу.

Это конец. Меня отчислят, запечатают магию, а после немедленно выдадут замуж за какого-нибудь богатея, жаждущего заполучить в свой род вплетение магической крови. Остаток дней я проведу рожая и вышивая, и вспоминая, как меня с позором выперли из Академии Хаоса после первого же семестра.

– Дайте мне шанс, – попросила я, но тон получился требовательным.

Ректор слегка изогнул темную бровь, перебитую шрамом.

Родерик Адалхард, заработавший в бою с тварями хаоса славу сильнейшего мага, наводил ужас на студентов одним только взглядом, а байки о его подвигах были поистине нескончаемы. Но здесь, в своем кабинете, он не выглядел таким уж грозным. Его темные, с проседью на висках, волосы взлохматились, белая рубашка за день немного примялась. Рукава он закатал до локтей, и я быстро отвела взгляд от крепких рук, покрытых шрамами, и уставилась на кабанью голову над камином, в котором тихо переливались алым бархатом угли. В свечах, расставленных в настенных канделябрах, плясали язычки пламени. Маг огня любит огонь. Ничего удивительного.

– Во мне есть хаос, – продолжила я, расправляя плечи, и снова посмотрела на ректора. – Но я пока не научилась им управлять.

Когда преподаватель теории хаоса – миниатюрная женщина с блаженной улыбкой – рассказывала о стройных потоках, текущих в теле и сосредотачивающихся в солнечном сплетении, мне хотелось плакать. «Почувствуйте тепло, – говорила она. – словно маленькие солнечные зайчики греют кожу изнутри. словно крохотные золотые рыбки бьют хвостиками и пускают искорки, плывя по вашим венам».

Моя магия рвалась на свободу и кусалась, как цепной пес. Простейшие бытовые заклинания оборачивались катастрофой. Но я тренировалась, и у меня почти получилось!

– Покажите, – сказал ректор и снова глянул в бумаги. –

На чем вы там провалились? Бытовое заклинание первого уровня.

Уголок его губ презрительно дернулся, но он все же указал на надкусанное яблоко, одиноко лежащее на белом блюде. Надо же, неужели он ест фрукты, а не питается кровью нерадивых студентов.

Ладно, вот он, мой последний шанс. Заклинание, которое попало в билете, называют пылетером. Убирает пыль, грязь и паутину, и прочий мусор. Впрочем, ничего этого в кабинете ректора не было. Дощатый пол, натертый воском, блестел даже в тусклом свете свечей. На краю массивного стола приютилось лишь блюдо с надкусанным яблоком, а книги на полках шкафа стояли ровными рядами – корешок к корешку, как патрульные в дозоре. К вешалке, на которой висел плащ ректора, прислонилась трость с набалдашником в виде дракона, скалящего зубастую пасть. Комната выглядела так, словно ею почти не пользуются. Но и в учебном корпусе ректора не застать. Пришлось тащиться в его дом – небольшой коттедж на территории академии. Со стороны ситуация, наверное, выглядит неловкой и даже неприличной...

Отбросив лишние мысли, я выпрямилась так, что позвонки вытянулись в струну, магия побежала по венам, стремясь потоком к кончикам пальцев. Я дождалась, пока руки станут горячими, а потом взмахнула ими, как дирижер, и, направив их в сторону яблока, красного и налитого, как на картинке, произнесла:

– Тиденис мунтас!

Энергия брызнула мощным потоком, и я всей душой взмолилась, чтобы несчастное яблоко исчезло, однако оно лишь закрутилось на тарелочке и слегка побледнело.

Давай же! Исчезай! Я прикусила губу от волнения, не видя ничего, кроме яблока, ставшего полупрозрачным. Я могла пересчитать зернышки в его сердцевине и видела крошечного червячка, прогрызавшего сочную мякоть – вот из-за чего мастер не стал его доедать. Но яблоко все еще было здесь.

– Впечатляет, – протянул ректор. Его глаза, до этого прищуренные, слегка расширились, будто мне удалось его удивить. – Очень... интересный эффект.

– Посмотрите, оно почти исчезло! – воскликнула я.

– Исчезло, – он пристально меня рассматривал, кажется, вовсе забыв о яблоке.

– У меня есть магия и способности!

– Несомненно, – подтвердил он. – Природа одарила вас весьма щедро, Арнелла Алетт.

Он запомнил мое имя! Я с надеждой улыбнулась.

– Значит, вы поставите мне зачет?

Ректор поднялся с кресла, вышел из-за стола, снял с трехногой вешалки свой плащ – длинный черный плащ с кровавым подбоем боевого мага, и, подойдя, накинул его мне на плечи. Я недоуменно посмотрела в глаза ректора – серые, как пепел. Говорили, он жег тварей хаоса огнем, как сам бог, и я бы не отказалась увидеть это вживую.

– Зачем... – я бросила взгляд вниз, подавилась собственным вопросом, вскрикнула и судорожно запахнула плащ на груди – совершенно обнаженной. – Я... Я...

О боги, какой позор! Моя одежда исчезла! Я осталась нагой и даже не заметила этого! А он...

– Почему вы не сказали сразу? – воскликнула я. – Вы меня рассматривали!

– Растерялся, – признался он и вдруг улыбнулся, так что его твердые черты смягчились, а на щеке появилась ямочка. – Вы просто потрясли меня своими... ммм... талантами.

Я всхлипнула и бросилась прочь, дернула на себя ручку кабинета, однако широкая ладонь накрыла мои пальцы.

Обернувшись, я снова встретила взгляд серых глаз.

– Хаос в вас несомненно есть, – сказал он, – и мне бы очень хотелось узнать, на что еще вы способны...

– Значит... – я сглотнула, сдерживая рвущиеся рыдания. – Я сдала?

Ректор задумчиво посмотрел на меня, его руки снова легли на мои плечи, и я быстро глянула вниз – нет, плащ не съехал, и поправлять его нет нужды.

Широкие ладони лениво погладили мои лопатки, скользнув по спине.

– Вы сделали это специально? – тихо спросил он, зачем-то склоняясь ближе, так что я увидела свое отражение в серых глазах.

– Что? – непонимающе переспросила я.

– Показали, так сказать, товар лицом, – пояснил он. Руки его оказались на завязках плаща и немного сдвинули ткань в стороны, а я вздрогнула, ощутив легкое касание пальцев к коже. – Ради зачета. Похвальное стремление к учебе, Арнелла А...

Рука взметнулась быстрее, чем он успел договорить фамилию. Пощечина получилась отличная: точная, хлесткая, сильная. Ректор отшатнулся, непроизвольно прикоснулся к щеке, а потом, бросив взгляд ниже, ухмыльнулся.

Ахнув, я запахнула разъехавшиеся полы плаща и бросилась прочь.

***

Дверь за студенткой с грохотом захлопнулась, и Родерик, все еще улыбаясь, вернулся в кресло.

Сев и вытянув ноги, он открыл ящик стола и, достав оттуда сигару, поднес ее к носу. Втянув запах табака, покрутил сигару в пальцах.

Принимать зачеты у отстающих оказалось неожиданно занятным времяпровождением.

Родерик потер саднящую щеку и ухмыльнулся снова. Не слишком большая плата за увиденное. Он бы согласился получить по лицу еще раз, чтобы увидеть такое. Девушка была очень мила: скуластое личико с острым подбородком, яркие ореховые глаза, темные волосы схвачены на затылке в хвост. Она волновалась, кусала губы, а щеки пылали румянцем, но ей хватило выдержки, чтобы держаться с достоинством. А

потом... Она просто ослепила его своей внезапной наготой. Плавные линии, чистая золотистая кожа, расцветшее тело. Само воплощение женственности.

Арнелла Алетт знатно скрасила этот вечер, а что вlepила пощечину – так он, пожалуй, заслужил.

Ее кожа была такой нежной и теплой.

Родерик задумчиво сунул сигару в рот и поднес к ней указательный палец. Закрыв глаза, призвал огонь, так легко за-рождающийся когда-то в его теле, но не почувствовал ров-ным счетом ничего. Лишь в животе слегка посасывало от го-лода.

Вздыхнув, он поднялся и вложил сигару в пасть кабаньей голове, висящей над камином, а после поднял глаза к потол-ку и позвал:

– Мисси!

– Я здесь, любовь моя, – откликнулся нежный голос, и прозрачный силуэт скользнул к нему с потолочной балки.

– Видела девушку, что только что сбежала? – спросил он у призрака – молодой женщины в устаревшей форме акаде-мии. На Арнелле Алетт, когда она пришла, была свободная рубашка, почти не отличающаяся от мужской, и юбка до щи-колоток, расширяющаяся книзу, хотя его плащ на голое те-ло шел ей куда больше. На блузке Мисси топорщились ру-кава-фонарики, а юбка спадала широкими складками до са-мых пят.

– Разумеется, любовь моя, – прошелестело привидение. –

Я видела Арнеллу Алетт.

– Убедись, что она добралась в свою комнату, – приказал Родерик. – И доложи.

– Будет сделано, – Мисси уменьшилась, превращаясь в жемчужный клочок тумана.

– Постой, – быстро позвал ее Родерик и замялся. То, что для него было забавным приключением, для девушки могло стать серьезным потрясением. – Посмотри, в порядке ли она, что делает... Не плачет ли.

– Да, любовь моя, – донеслось в ответ, и в кабинете не осталось никого, кроме него да кабаньей головы над каминном.

***

Я бежала по дорожке к общежитию, кутаясь в плащ ректора и обжигая босые ступни о покрытые наледью плиты, и славила богов за то, что почти все студенты уже разъехались на каникулы. Никто не попался мне на пути, и я стремглав взлетела по пустынной лестнице и юркнула в свою комнату, захлопнув дверь.

Скинув плащ, как ядовитую шкуру, я натянула первое попавшееся платье и вцепилась руками в волосы. Сгорая от стыда, я даже не замерзла после пробежки полуголой.

Какой позор!

После такого лучше самой собрать вещи и уехать. Я прижала ладони к пылающим щекам. Достойное окончание обучения, ничего не скажешь. Если об этом станет известно... Я

зажмурилась от ужаса. Я стану посмешищем всей академии, а может, и за ее пределами!

Остается надеяться, что у Родерика Адалхарда есть хоть капля благородства, и он никому не расскажет. Мы можем и вовсе не увидеть друг друга больше. Он забудет меня. Что ему какая-то первокурсница, пусть и голая?

Я застонала и упала на кровать лицом вниз.

– Ты вернулась? – голос Селесты привел меня в чувство. – Как все прошло? Ты так хлопнула дверь, что в моей комнате побелка с потолка посыпалась.

– Все прошло отвратительно, – мрачно произнесла я, поворачивая голову и глядя на подругу, которая лениво перебирала пузырьки на столике перед зеркалом. Выбрав флакон с духами, она открыла крышечку и капнула себе на запястье.

– Значит, твое обучение тоже закончилось? – спросила Селеста, с наслаждением втянув в себя запах.

– А ты точно решила?

– Да. Я запечатаю хаос. Мы с Холденом поженимся и поедем в медовый месяц в поместье его отца в Алабрии... Осточертели и книжки, и преподы, и вся эта академия... На юге красиво?

Она пытливо посмотрела на меня, и я села в кровати, обтянув хлопковый подол платья.

– Там тепло, – выдохнула я. – Везде зелень, цветы, ты с ума сойдешь от ароматов. Никакие духи не сравнятся! Море теплое, ласковое, волны несут тебя сами, и потом можно

валяться на песке почти голышом. – Вспомнив о своем внезапном обнажении, я помрачнела и добавила суше: – Тебе там понравится. Только береги кожу. Ты такая светлая, как бы не обгорела на солнце.

– Ничего, если проведешь здесь еще пару месяцев, тоже станешь бледной поганкой, – хмыкнула Селеста. – Не хочешь освежить загар?

Сердце сжалось на миг, когда я представила, что могла бы снова увидеть дом – белые стены, апельсиновые деревья в цвету, скалистое побережье, на котором ветер гнет редкую траву...

Дома больше нет. Ничего нет. Меня выгонят, и стипендии больше не будет. Мне запечатают хаос, потому что я не могу им управлять. А потом император подберет мне мужа, которого устроит невеста-бесприданница с магической кровью.

– Посмотрим, – мрачно ответила я.

– Конечно, – улыбнулась Селеста. – Не забудь, отправляемся в Фургарт с самого утра, чтобы успеть подготовиться к балу. А это что?

Она склонилась к плащу ректора, и я, вскочив с постели, мигом схватила его, смяла в руках и спрятала в дальний угол шкафа.

– Ничего, – ответила я, натянуто улыбнувшись. – Тряпка. Протирала пыль.

Селеста сочувственно покивала, а потом небрежно повела пальцами и произнесла:

– Тиденис мунтас!

По комнатке пронесся вихрь, собирая пыль, крошки печенья, которое я тайком притащила из столовой, смятый лист бумаги, исписанный моим почерком. Весь этот мусор метнулся к ветхому камину и втянулся в трубу.

Я завистливо посмотрела по сторонам. Комната сияла и блестела, и нигде не было ни пылинки. Запахло цветами и чуть-чуть шоколадом.

– Здорово... Уверена, что тебе надо это запечатывание?

– Я уверена, что мне нужен Холден, а он не хочет ждать, – насупилась Селеста, снова перебирая баночки на туалетном столике. Понюхав очередной крем, она скривилась и не раздумывая швырнула его в камин. Пузырек жалобно звякнул, а после исчез в трубе следом за остальным мусором. – И раз уж ты завалила зачет, не тяни. Не жди, пока император сам подберет тебе мужа. На его волю полагаются самые негодящие мужчины, нормальные могут выбрать жену сами. Зачем тебе некондиция?

Она возмущенно на меня посмотрела, и я покачала головой. Некондиция мне не нужна. Мне в принципе не нужен муж. Академия открыла для меня возможность совершенно новой жизни, но я ее бездарно упустила.

– Возьми судьбу в свои руки, – сказала Селеста. – На завтрашнем балу в честь начала Охоты будут все холостяки. Выбирай любого! Кроме Холдена, – добавила она быстро.

– Можно подумать, я кому-то сильно нужна, – вздохнула

я.

– Да, ты не самая завидная невеста, – не стала обнадеживать меня Селеста. – Непонятно, к какой именно стихии у тебя склонность, отследить это по архивам не удалось. Если ты войдешь в Лабиринт Хаоса, то только боги знают, с какой магией выйдешь. Ладно еще, если из тебя получится анимаг, они хотя бы долго живут и вовсе не болеют. Хотя лучше бы стихийница воды или воздуха, конечно. Если вдруг откроется магия огня, то тебе ее все равно сразу запечатают, а ведь после Лабиринта запечатывание проходит куда сложнее, могут проявиться последствия. Но ты можешь стать и некроманткой! От одной мысли мороз по коже! Или... – голос ее понизился, – ты станешь путницей и не выйдешь из Лабиринта вовсе...

Я видела Лабиринт лишь издали и старалась думать о нем просто как об очередном экзамене. Но раз уж я завалила зачет по бытовой магии, то, наверное, в Лабиринт мне и вправду лучше не соваться.

– Так что наследственность хаоса у тебя сомнительная, и для женихов ты все равно что кот в мешке, – Селеста окинула меня сочувствующим взглядом. – К тому же, насколько я понимаю, ты стеснена в средствах...

Это мягко сказано. После смерти отца и нескольких бесплодных маминых проектов мы остались фактически без гроша в кармане. Стипендия академии стала для нас спасением.

– Сейчас должно быть какое-то «но», – не особенно энергично возмутилась я. – Или ты просто решила подвести меня к мысли, что и некондиционные женихи императора для меня все равно что подарок.

– Ты хорошенькая, – улыбнулась подруга. – Многим мужчинам этого довольно. Флиртуй, кокетничай, соблазни кого-нибудь... Если ты забеременеешь, то мужчину, виновного в этом, заставят жениться. А некоторые пожилые господа, которым нужен наследник, с радостью возьмут в жены магичку, чье платье не подчеркивает талию, даже если в том нет их вины... И не смотри на меня так. Думаешь, почему половина первокурсниц уехала готовиться к свадьбе через месяц после поступления? Большинство приходят сюда затем, чтобы найти мужа.

– Я думала, у меня будет по-другому, – вздохнула я.

– Хочешь убедить ректора дать тебе еще один шанс? – с явным неодобрением в голосе спросила Селеста. – Что ж, если ты хорошо попросишь, станешь умолять, то, возможно, смягчишь его сердце...

Лишь представив эту ситуацию, я передернула плечами.

– Да, он жутковатый тип, – согласилась Селеста, неверно истолковав мою реакцию. – Шрамы эти, холодные глаза. Странно, ведь он огненный маг, но в нем словно лишь пепел... Значит, ты точно завалила?

Я молча кивнула.

Рассказывать о произошедшем я не собиралась, пото-

му что Селеста, при всех своих достоинствах, была жуткой сплетницей. За те пару месяцев, что мы общались, я услышала целый ворох чужих секретов, неизменно сопровождаемых словами «только никому». Удержать за зубами мою историю Селесте не по силам.

– Ты права, – сказала я решительно, словно в прорубь нырнула. – Завтра на балу мне надо найти себе мужа.

Глава 2. Перед балом

Мы уехали из академии на рассвете, чтобы подготовиться к балу, о котором я думала с тоской, терзающей не хуже больного зуба. Экипаж плавно поднялся и, будто специально, чтобы поиздеваться, сделал круг над территорией академии.

Зеленый холм, покрытый изморозью, раскинулся посреди серо-коричневой степи, покрытой бордовыми пятнами цветущего зимолита словно подсохшими корками ран. На вершине холма высилось серое здание академии в форме звезды с шестью лучами. Мужское общежитие, похожее на казарму, находилось прямо рядом со старым кладбищем, домики преподавателей с красными крышами рассыпались по старому саду, как ягоды в лесу. Ровный овал стадиона, купол столовой – строгие формы и линии. Розовая крыша женского общежития, похожая на зефирку, выбивалась из общей картины, и как-то сразу становилось понятно, что женщинам тут не место.

Вдали виднелись снежные горные вершины, упирающиеся в ясное небо, а по другую сторону открывался морской простор, блестящий под солнцем серебром. Траурная кайма Стены на горизонте казалась чем-то чужеродным.

Я откинулась на спинку сиденья. У меня мурашки бежали от Стены, и от того, что она отделяла. Вот и первый плюс мо-

его отчисления – теперь я смогу держаться от нее подальше.

Селеста щебетала всю дорогу в Фургарт, радуясь предстоящему вечеру, скорому замужеству, светлому будущему и просто хорошей погоде. Она никогда не грузила проблемами и всегда была в приподнятом настроении. За это я готова была ей простить и болтовню, и беспорядок в ванной, которую мы делили на двоих, и даже витиеватые надписи «Холден», украшенные сердечками, на полях моего конспекта.

– Какое счастье, что академия осталось позади, да? – то и дело повторяла она.

Я не могла с ней согласиться. Однако когда впереди показались городские стены, приказала себе собраться. На кону моя судьба, которая не в первый раз дает мне оплеухи. И если на балу я буду недостаточно приветливой и веселой, то идти мне под венец с каким-нибудь старикашкой, которому император проиграл в шашки.

Храмы Фургарта строили лучшие маги, и это было видно сразу. Розовые краски рассвета отражались в стеклянном куполе воздушного храма, и облака бежали по нему, словно по продолжению неба. С квадратной крыши храма анимагов свергались буйные водопады цветов. На шпиле храма огня, вонзающемся в небо, повисла россыпь красных кристаллов – капли крови, стекающие по мечу.

Родерик Адалхард – единственный маг огня, которого мне довелось узнать. Козел. Мог бы отвернуться или закрыть глаза. И уж точно не строить гнусных предположений о том, что

я обнажилась нарочно.

– Ты такая молчаливая с утра, – с укоризной заметила Селеста.

– Я все думаю над запечатыванием. Неужели это единственный выход?

– И самый разумный! – горячо уверила подруга. – Вот увидишь, после бала с потока разбегутся оставшиеся девушки. Останутся самые... не востребуемые. Ты сама подумай: Лабиринт – это большой риск. Лотерея! После него хаос в тебе оформится в определенную стихию, и ты не знаешь, в какую именно. Но и это еще не все! Чтобы стать магом, надо закончить все три курса академии. А потом еще два года отработки. Пять лет! Ты только представь!

Я промолчала. Пять лет не волноваться о том, где брать деньги, ведь император выделял поистине щедрую стипендию обучающимся в академии магам. Пять лет оставаться свободной, и от замужества, и от мамы, которую не пустили жить в студенческое общежитие, как она ни настаивала. Узнавать новое, узнавать себя... Это не казалось мне чем-то ужасным.

– И ради чего? Стать патрульным дозора? – возмутилась Селеста. – Ходить в Хаос добровольно? Сражаться?!

Я невольно улыбнулась. Представить подругу в бою не получалось, хоть убей. Вздернутый носик, кукольные реснички, отполированные до блеска ноготки – она могла сразить наповал разве что своей женственностью.

– Хаос все равно остается в крови, так что наши с Холден-ном дети будут магами, – продолжила та спокойнее, словно пытаюсь убедить саму себя в правильности решения. – Мы получим льготы от императора и щедрый подарок к свадьбе.

Я кивнула, подтверждая ее слова. Магия редка и постепенно иссякает. Когда женятся два мага, их дети, как правило, наследуют хаос, поэтому император всячески поощряет браки между одаренными.

– Я бы наверняка стала воздушницей, как отец. Наверное, это так волшебно – управлять стихией, подчинять себе ветер... Мне снятся сны, где я летаю, не в экипаже, а сама. И эти сны такие настоящие, – она повернулась ко мне, и я заметила, что в ее голубых глазах блестят слезы.

– Что ты, – испугалась я, – Селеста, не плачь...

– Это все нервы перед свадьбой. Лезет всякая ерунда в голову, – она полезла в ридикюль и, вынув оттуда кружевной платочек, аккуратно промокнула глаза. – Знаешь, если бы Холден не тянул с предложением, я бы вовсе не поехала в Академию. А тут сразу явился с кольцом. Побоялся, что меня уведет кто-нибудь из старшекурсников.

– Так может...

– Я выйду за него через месяц, – сказала Селеста твердо. – Не собираюсь горбатиться над книжками и отдавать моего Холдена в руки какой-нибудь шустрой девчонки.

Экипаж плавно снизился, спускаясь к дороге, над нами мелькнула тень городских ворот, и вскоре колеса загремели

по брусчатке.

– Вот и Фургарт, – произнесла Селеста радостно, будто и не было тягостного разговора. – Хоть бы поскорей из него уехать.

***

Город, продуваемый всеми ветрами, кутался в крепостные стены и глядел в хмурое небо узкими окошками, похожими на бойницы, однако в нем бурлила жизнь. Зазывали приглашали в таверны, мальчишки-газетчики выкрикивали свежие новости, две тетки просто ругались у порога дома, а косматая псина лаяла на них, словно желая поучаствовать в споре.

Кучер высадил меня в центре Фургарта, на круглой площади с фонтаном, по другую сторону которой вырастал храм водников, точно вырубленный из льда. Лошади, сложив прозрачные крылья, сотканые из воздуха, смиренно стояли, пока я прощалась с подругой и забирала вещи.

– Твоя мама выбрала хорошее место, – одобрительно заметила Селеста. – Фешенебельный район.

Дом выглядел не просто хорошо, а роскошно: четыре этажа, кованые перила, в огромном светлом холле кадки с пальмами и длинная хрустальная люстра, усыпающая мраморный пол солнечными зайчиками. Мать совершенно не умела экономить и жила так, словно денежные вопросы не заботят ее вовсе.

– Арнелла! Солнышко! – мама распахнула двери апарта-

ментов, и я ступила в теплые объятия. – Я так скучала по тебе, моя девочка!

– Я тоже скучала, – ответила я и поняла, что не вру. Хоть мама и была совершенно невыносима со своей взбалмошностью, назойливостью и постоянным стремлением контролировать мою жизнь, она была моим единственным близким человеком, и сейчас, обнимая ее, я чувствовала себя дома.

***

– Да, аренда дороговата, – щебетала мама, расчесывая мне волосы, – но домовладелец сделал совершенно потрясающую скидку. Кажется, я ему понравилась. Интересный мужчина. Импозантный, в годах, но еще хорош собой. Такая, знаешь, благородная седина...

Кармелла Алетт была уверена, что все окружающие мужчины от нее без ума. Себя она полагала роковой красавицей и, в общем, так оно и было. Золотые локоны, васильковые глаза, отличная фигура и фарфоровая кожа – мама сияла в любом обществе. Однако после смерти мужа приглашения на званые обеды и балы вдруг иссякли. Обнаружилось, что вместо наследства Карлос Алетт оставил лишь долги, и мы вынуждены были продать особняк и переехать в скромный домик в деревушке у моря, где и провели шесть лет перед тем, как попасть сюда.

По большей части я была предоставлена сама себе, и эти годы заполнились волнующей свободой. Лишь три часа в день со мной занималась гувернантка, пожилая дама, мор-

щинистая, как черепаха. Иногда она сбивалась с темы урока и начинала вспоминать молодость, так что я куда лучше была осведомлена о ее кавалерах, нежели о чем-то еще. Все вопиющие пробелы в моих знаниях всплыли в академии, о которой мне теперь хотелось забыть, как о страшном сне.

– ...это буквально соседнее здание, но нам все равно придется взять экипаж, чтобы не испачкать платья. Ко тому же будет куда эффектнее явиться в белой карете, чем пешком.

– О чем ты? – нахмурилась я.

– Ты совсем меня не слушаешь! – обиделась мама и в отместку дернула меня за волосы.

– Прости, задумалась. Так где будет этот бал? – спросила я, глянув на нее.

Иногда я жалела, что совсем не похожа на маму, которая выглядела сладкой, как сахарная фигурка на торте.

– У градоначальника! Самые сливки общества! – воодушевленно воскликнула мама и уставилась на меня, явно ожидая ответной реакции.

– Урааа, – без энтузиазма протянула я. Заметив по ее выражению лица, что этого явно мало, растянула губы в улыбке и подняла вверх большие пальцы рук. – Э-гей, мы идем на бал.

– Ты просто не видела наши платья, – фыркнула мама и, распахнув двери в спальню, выкатила стойку с нарядами.

– Которые из них? – уточнила я, увидев ворох шелковых юбок, нечто бархатное и золотое, и еще что-то, расшитое пе-

рьями. – Мама, ты потратила кучу денег! И дом этот в самом центре, и экипаж с белой каретой, и...

– И еще я купила тебе украшение, – она с довольным видом вытащила из шкатулки цепочку и застегнула ее на моей шее. Золотой кулон в виде солнышка опустился в ложбинку между грудей.

– Мы не можем себе этого позволить! – с отчаянием выпалила я.

– Брось, – отмахнулась мама. – Да, я слегка влезла в долги, но домоправитель согласился подождать плату за этот месяц, и через неделю я получу очередную выплату твоей стипендии и со всем рассчитаюсь. Ну, что скажешь? – мать потребила меня за плечо. – Тебе идет золото. Надеюсь, твой деревенский загар скоро сойдет, но даже с ним ты выглядишь чудесно. Наверняка ты самая красивая на курсе, а остальные девочки по сравнению с тобой – бледные селетки.

Она щебетала, радуясь предстоящему вечеру, и мне не хватило смелости признаться, что мое обучение в академии бесславно закончилось.

Скажу после бала. Не буду лишать маму радости.

Меня грызло чувство вины, и я даже не стала спорить, когда увидела свое платье: темно-красное как вино и с совершенно неприличным декольте.

– Тебе есть что показать, вот и пользуйся, – сказала мама, поймав в зеркале мой укоризненный взгляд. – Сегодня ты будешь блистать!

– Ты права, – согласилась я и все же подтянула платье немного выше. Золотое солнышко светило на смуглой коже, маня прикоснуться.

Интересно, понравилось ли ректору то, что он увидел вчера. Все же он был первым мужчиной, перед которым я очутилась голой.

– Ты так очаровательно краснеешь, – умилилась мама. – Арнелла, солнышко, по здешней моде это очень скромное платье, уверяю тебя. Нам пора подыскать тебе жениха. А все, что у нас есть, – это хаос в твоей крови и внешность.

– И я снова с тобой согласна.

– Что-то не так, – мама нахмурилась, испытующе рассматривая меня в отражении. – Я готовилась убеждать тебя, составила список аргументов. Это слишком легко! Скажи, что случилось?

Я обнажилась перед ректором, меня уже наверняка отчислили, а теперь мне срочно надо найти себе мужа...

– Все в порядке, – сказала я, старательно улыбаясь. – Все просто прекрасно. Мы идем танцевать!

– Да, – расцвела улыбкой мать. – Сейчас покажу, какое платье я выбрала для себя...

Глава 3. Старые знакомые

Мы пришли на бал, опоздав на целый час, – именно это время, по мнению Кармеллы Алетт, считалось приличным. Однако оказалось, что остальные гости были более пунктуальными, и когда мы вошли в зал, к нам устремились все взгляды.

– Арнелла Алетт, хаос неясной природы, потенциал неопределен, наследственность неясна, – возвестил дворецкий и, сверившись со списком, добавил. – Здоровье без нареканий. Не помолвлена. В сопровождении матери Кармеллы Алетт.

Впечатления обрушились на меня лавиной: яркий свет тысяч свечей, блестящий как зеркало паркет, музыка, запахи, люди... Липкие взгляды бесстыдно рассматривали меня словно вещь на витрине. Пышная юбка шуршала при каждом шаге, как обертка от конфеты, новые туфли, купленные мамой, давили. Хотелось исчезнуть. Оказаться анимагом, превратиться в крохотную мышку и забиться в какую-нибудь щель.

– Какая все же удача, что в тебе проснулась магия, – с восторгом произнесла мама, рассматривая зал и наслаждаясь всеобщим вниманием. – Хотя эта их манера представления весьма своеобразна. Объявили, как собачку на выставке.

Вот только выставлать мне особенно нечего: ни породы,

ни медалей. Дворняжка, одним словом. Хорошо хоть здоровье не подкачало, да экстерьер неплохой. Расправив плечи, я нацепила на лицо улыбку. Последний раз я была на балу еще подростком, но помнила, как себя вести. Да и должно было мне перепасть хоть что-то от матери-кокетки, раз уж золотых локонов не досталось.

Словно желая раскрасить серую действительность, в Фургарте не стыдились богатства. Напротив, тут пользовались каждой возможностью, чтобы продемонстрировать свой достаток. Если уж особняк, то целый дворец, если фуршетный стол, то такой, что не видно конца. Фонтаны с игристым вином, всюду огни, сверкающие драгоценности. Я прикоснулась к золотому солнышку на груди. Привычка мамы пускать пыль в глаза сейчас сослужила хорошую службу. По крайней мере, мы не выглядели чужими на этом празднике жизни.

Меня быстро закружило в калейдоскопе впечатлений: лица, улыбки, имена, оценивающие взгляды мужчин, что прохаживались по залу, как покупатели на рынке, влажные губы, после которых хотелось оттереть ладонь.

– Когда у вашей девочки начались женские периоды? – спросила мою мать пожилая дама, рассматривающая меня в лорнет. – Они проходят болезненно? Очень жаль, что эту информацию не предоставляют в общий доступ. Моему Бонифацию нужна здоровая жена. Прошлая смогла родить только шестерых и покинула наш бранный мир.

Я вздрогнула от щипка пониже спины и резко обернулась

на вторую старушку, которая неодобрительно хмурилась и ворчала себе под нос:

– Слишком смуглая. И тощая. Но бедра хорошие. Мари-зетта, поставь ей плюсик. Вероятно, анимаг.

– Позвольте вас пригласить?

Я с радостью сбежала с носатым господином в центр зала, лишь бы оказаться подальше от двух старух, которые продолжили наседавать на маму с вопросами.

– Я запечатанный маг, вероятно, стихия огня, – важно сообщил господин с глубокими залысинами на бугристом лбу, ведя меня в танце.

– Вот как, – пробормотала я, заворуженно таращась в его ноздри. Казалось, волосы с головы этого мужчины постепенно переселялись в хрящеватый нос.

– Пылкая натура, – доверительно сказал он, глядя в вырез моего платья. – Неумная страстность.

Его рука лежала на моей талии безжизненным валиком.

– Это так захватывающе, – вздохнула я, вспомнив, зачем пришла.

Мама всегда говорила, что кавалеры ходят стаями. Приветишь одного – подтянутся следующие. Поэтому я стрельнула глазками в ноздри мужчины и кокетливо улыбнулась.

Я танцевала, как заведенная, и видела таких же девушек в зале рядом с собой: испуг в глазах, напряженные улыбки, совершенно неприличные декольте и разрезы на юбках. В толпе мелькнула Селеста. Рука Холдена – высокого блондина –

по-хозяйски лежала на ее талии.

Когда музыканты объявили небольшой перерыв, и очередной партнер по танцам отвел меня к маме, я сбежала к фуршетному столу. Схватив стакан с каким-то напитком, я сделала большой глоток и лишь потом поняла, что в нем алкоголь. Мать, стоя рядом, цепко осматривала зал, взмахивая чуть подкрашенными ресницами и кокетливо улыбаясь.

– Я сказала этим старухам, что в детстве ты болела чумкой, и они отстали, – сообщила она

– Это ведь собачья болезнь.

– Да без разницы, – отмахнулась мама. – Кстати, я предоставила в магическую управу твой портрет. По требованию градоначальника.

– Тот с яблоками? Который нарисовали, когда мне было пятнадцать? – поморщилась я, выбирая, чем заесть неожиданно крепкий напиток. – Я на нем как корова. Глаза глупые, щеки толстые...

– ...и выразительная грудь.

– В пятнадцать у меня ее почти не было. Художник украсил реальность.

– И как в воду глядел. Но нет. Я дала ту картину, где мы с тобой изображены вдвоем.

– Нимфы? – уточнила я, замерев с канаве у рта. – Мама! Но она же неприличная!

– Не ешь много, живот вспучит, – строго сказала мама. – Искусство выше всех условностей, вне рамок. К тому же

мы на нем вдвоем. Ты ведь не против помочь своей матери устроить личную жизнь? Я родила магичку, а в роду твоего отца магов не было. И теперь все эти господа думают, что твой хаос – моя заслуга.

– Логично, – пожалала я плечами и вежливо склонила голову, когда мимо нас прошли три дамы.

Выглядели они бледновато: толстый слой пудры, светлые волосы, платья пастельных тонов. Однако на шее каждой – целое состояние. Бриллианты, сапфиры, изумруды... На шее мамы висело последнее ожерелье, которое мы не успели продать. И то лишь потому, что в нем была обычная бирюза, и за него все равно не выручить много. А еще все три дамы были беременны и не только не скрывали свое положение, но и подчеркивали его фасонами платьев.

Мама приосанилась, и на лице ее отразилось чувство превосходства. Желтое шелковое платье подчеркивало и поддевичьи тонкую талию, и роскошную грудь Кармеллы Алетт, и я не сомневалась, что еще до окончания бала хотя бы один мужчина возжелает стать моим отчимом.

– Так что теперь я снова завидная невеста, – продолжила шептать мама. – Я свободна, прекрасна, и вполне могу родить еще нескольких детей.

– Отмеченных хаосом, – добавила я.

– Хоть каких, – сказала мать, кокетливо улыбаясь куда-то вдаль. – Тут ведь не угадаешь. Ты посмотри, какой интересный мужчина.

Я глянула в сторону, куда мама прицельно лучилась обаянием, и вздрогнула от неожиданности.

Бровь, перебитая шрамом, знакомо приподнялась, серые глаза прошлись по мне внимательным взглядом, и я вновь почувствовала себя голой.

– Мне надо уйти, – сдавленно просипела я. – Мама, пожалуйста...

– Не выдумывай, – строго приказала она. – Это главный бал перед началом Охоты. Мы новенькие в Фургарте и должны влиться в общество. А ты произвела фурор, милая. Я уверена, мы получим кучу брачных предложение после сегодняшнего вечера, и тебе не придется возвращаться в эту твою академию.

Я трусливо спряталась за колонной и допила свой бокал одним махом.

– Он все еще смотрит в нашу сторону? – спросила я. – Тот мужчина у лестницы.

– Очень хорош, – промурлыкала мать, пробуя вино. – Арнелла, как ты его пьешь? Такое крепкое!

– Это наш ректор. Мастер хаоса, – сказала я, отставляя пустой бокал на поднос проходящего мимо слуги. – Маг огня. Родерик Адалхард.

– Так ты с ним знакома? – оживилась мама. – Представишь нас? Хотя, если он ректор, то вряд ли богат. Обычно мужчины с состоянием не утруждают себя тяжелой работой.

Ох, он идет сюда, – возбужденно прошептала она. – Арнелла, что ты приклеилась к этой колонне. Изображаешь статую?

– Добрый вечер.

Низкий голос, который я надеялась больше никогда не услышать, прозвучал из-за колонны. Мама схватила меня за локоть и с неожиданной силой притянула к себе.

– Арнелла говорит, вы уже знакомы, – прошептала она. – Как приятно познакомиться с ректором моей девочки.

– Родерик Адалхард, – представился он, учтиво поклонившись.

– Кармелла Алетт, – мама присела в легком реверансе.

– Родерик, какими судьбами? – к нему подошел мужчина в серебристом костюме, безжалостно подчеркивающим пухлые бока и внушительный живот. – Не видел тебя в Фургарте уже с полгода!

– И вот я здесь, – сказал ректор. – Чтобы с удивлением увидеть знакомые... лица.

Пауза, сделанная им будто нарочно, и взгляд, скользнувший в мое декольте, ясно дали понять, что он знает не только мое лицо, но и куда больше.

– Моя студентка, Арнелла Алетт и ее прекрасная мать Кармелла Алетт, – представил он нас. – Моя старый друг, Энцо Лефой.

– Не такой уж и старый, – с улыбкой возразил мужчина, поклонившись, и после обратился ко мне: – Как вам учеба в академии?

Я растянула губы в улыбке, потупив глаза, словно скромница, не желающая хвастаться.

– Расскажите же, как моя девочка? – подхватила мама. – Делает успехи?

– Ваша дочь показала себя с самой лучшей стороны, – произнес ректор серьезным тоном.

Вздернув подбородок, я посмотрела прямо ему в глаза. Явился сюда специально, чтобы поиздеваться?

– Она очень талантлива, – согласилась мама, не имеющая ни малейшего понятия ни о моей одаренности, ни о магах в целом.

– О да, – подтвердил ректор, все так же не сводя с меня оценивающего взгляда. – Я был просто поражен. Госпожа Алетт...

– Зовите меня просто Кармелла, – улыбнулась мама. Ресницы ее опустились и снова вспорхнули, как испуганные птички. Губы чуть приоткрылись, даря сладкие обещания.

– Кармелла, вы позволите...

Мама глубоко вздохнула, так что ее грудь поощрительно приподнялась в декольте.

– ...пригласить вашу дочь на танец.

– Нет! – вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык. – Я... неважно себя чувствую.

– А вчера вы выглядели вполне здоровой, – быстро заметил он, и я почувствовала, как кровь прилила к щекам. – Я бы сказал, у вас был весьма цветущий вид. Это очень инте-

ресная история, – доверительно сообщил он Энцо Лефою. – Арнелла сдавала мне зачет...

– Ладно, – выплюнула я, с ненавистью глядя на ректора. – Я с вами потанцую.

– Прямо сейчас, – с нажимом произнес он и, шагнув ближе, сжал мою ладонь в своей руке.

Музыка, тягучая и сладкая, разлилась по залу. Ректор уверенно повел меня к центру зала, где уже выстраивались пары, а мои щеки так и пылали – то ли от вина, то ли от близости мужчины, которого я надеялась не встретить больше никогда.

– Почему вы явились сюда? – сердито спросила я, когда мы оказались лицом к лицу, а его ладонь обожгла мою талию через тонкую ткань.

– Почему бы и нет, – коротко ответил он. – Вы умеете танцевать, Арнелла, или с танцами у вас дело обстоит так же, как с заклинаниями?

Фыркнув, я положила свободную руку ему на плечо и позволила повести себя, отдаваясь ритму. Танцевать я умела. Конечно, старенькая гувернантка не могла меня этому научить, а вот мама, обожающая танцевать и лишившаяся возможности делать это на балах, заставляла составлять ей пару едва не каждый день.

Мелькали платья дам, оттененные строгими костюмами мужчин, сверкали драгоценности, жадно вспыхивали муж-

ские глаза. Мама уже кружилась в танце с Энцо и заливисто смеялась над какой-то шуткой, наверняка не особенно остроумной. Кармелла Алетт умела наслаждаться мужским обществом. В отличие от меня.

Единственное, чего я сейчас хотела, – чтобы танец поскорей закончился. И еще – подтянуть платье повыше. Потому что взгляд мужчины откровенно ласкал мою шею и грудь.

– Не все рассмотрели вчера? – не выдержала я.

Он усмехнулся и прижал меня крепче.

– Вид сзади остался для меня загадкой, – прошептал он, склонившись к моему уху.

– Я думала, вы благородный человек и не станете вспоминать...

– Вы ошиблись, – коротко ответил он.

– Я прошу вас забыть о досадном недоразумении, произошедшем вчера, – с достоинством произнесла я.

– Боюсь, этого я обещать не могу, – вздохнул он. – Это навсегда в моем сердце. Но я, разумеется, буду хранить этот секрет.

– Благодарю, – сухо бросила я. – Думаю, это не составит большого труда. Я подам заявку на отчисление и запечатывание...

– А я порву ее, – продолжил ректор формальным тоном.

– Как вы смеете? – возмутилась я. – Это лишь мое решение! Если я решила уйти...

– Вы не знаете, на что обрекаете себя, – возразил он

неожиданно мягко. – Вам запечатают магию. Заблокируют навсегда.

– Да и пес с ней, – буркнула я. – От нее все равно никакого толку.

– Это все равно что лишиться какого-то органа чувств, – продолжил он, будто и не расслышав моих возражений. – Это как если бы вам на глаза надели повязку, через которую лишь слегка пробиваются очертания вещей. Или засунули в уши вату. Или стали кормить несоленой едой и поить чаем, заваренным в третий раз.

– Я прекрасно прожила без магии восемнадцать лет и, к тому же, все равно останусь носителем магической крови.

– И многие богатые мужчины наверняка захотят жениться на вас, – продолжил он. – Вы будете жить в роскоши, рожать детей, менять наряды и блистать на балах.

– Вроде того, – неуверенно подтвердила я, чувствуя, как его рука слегка поглаживает мою спину. Обманчиво невинные прикосновения сбивали с толку, не давая сосредоточиться на беседе. – Это обычная женская судьба.

– Но ведь вы, Арнелла Алетт, необычная, – тихо сказал он, и я вскинула на него взгляд. Серые глаза потемнели и смотрели серьезно, и губы не изгибались в усмешке. – Да, женщин считают слишком хрупким сосудом для хаоса, но в вас, как мне кажется, есть характер. К тому же, академия много потеряет с вашим уходом, – добавил он уже другим

тоном. – Я рассчитываю принять у вас экзамен по началам боевой магии и заранее предвкушаю это зрелище.

– Заканчивайте уже с намеками! Вы ведь ректор, – попыталась я воззвать к его совести.

– Вы же собираетесь уйти из академии.

– Но пока не ушла.

– И что, откажете всем этим мужчинам, которые облизываются на вас с момента, как вы вошли в зал?

– Вы следили за мной?

– Вас трудно не заметить.

– Так, значит, вы поставите мне зачет?

– Уже поставил, – подтвердил он. – И лично проследил, чтобы вас официально перевели на второй семестр. Ну же, Арнелла, не сдавайтесь так быстро. Неужели все, чего вы хотите, это танцевать и обольщать мужчин этими вашими солнышками в провокационных вырезках? Не спорю, у вас отлично получается...

Я прикусила язык, едва не ляпнув, что это звучит очень даже неплохо. Мастер Адалхард танцевал прекрасно, ведя меня так уверенно, что я полностью отдалась на волю его движений, позабыв о тесных туфлях. Плечо под моей ладонью было широким и крепким, а сам мужчина – высоким и вполне привлекательным, хотя по возрасту он, пожалуй, больше годится в мужья моей матери.

– Я все равно вылечу из академии, – проворчала я. – Но я благодарна вам за то, что вы позволили мне продолжить

учебу.

– Вы были крайне убедительны, – усмехнулся он.

Я невольно закатила глаза. Пора было расставить точки над «и».

– Вы что же, флиртуете со мной? – спросила я прямо.

– А вы против? Знаете, как называют этот бал?

– Первый бал перед Охотой?

– Ярмарка невест. Или, еще проще, выставка мяса. Все студентки, не успевшие отхватить себе мужа, из кожи вон лезут, чтобы заполучить кольцо на палец до Лабиринта. А я, кстати сказать, холост. Так отчего бы нам не пофлиртовать, Арнелла?

– Вы, насколько я могу судить, не слишком богаты, – резко сказала я, уязвленная его словами.

– Откуда такой вывод?

– Вы бы не стали работать в академии, будь у вас много денег, – вспомнила я слова мамы.

Он слегка кивнул, подтверждая правоту моих рассуждений.

– К тому же вы старый.

– А вот сейчас вы ранили меня в самое сердце, – усмехнулся он. – Я самый молодой ректор в истории Академии Хаоса. Мне тридцать два. Рано списывать со счетов.

– А взгляните на все тридцать пять, – с мстительным удовольствием сказала я. – Кроме того, вы оставили патруль. Говорят, там что-то произошло. В Хаосе. Что-то такое, что

вам навредило.

– Вот как, – перебитая бровь едва заметно дернулась.

– Итого, что мы имеем? – запальчиво продолжила я.

– Что?

– Вы бедный, старый и больной.

Он рассмеялся, глядя на меня так, будто я сказала что-то потрясающее.

– Вам не стоит тратить время, – решила я все же закончить свою мысль. – Я не выйду за вас.

– Ох, Арнелла Алетт, – выдохнул он и снова склонился к моему уху. – А с чего вы взяли, что я хочу на вас жениться?

Музыка закончилась, и он отступил, а я сглотнула, ошарашенная прикосновением теплых губ к своему виску.

– Позвольте, я провожу вас к матери, – церемонно произнес ректор, слегка поклонившись.

– Сама дойду, – огрызнулась я и, развернувшись, быстро пошла к балконам.

Глава 4. Новые знакомства

Выйдя на свежий воздух, я с жадностью вдохнула прохладу и скинула туфли, становясь на мрамор босиком. Ступни гудели от каблучков, и сердце билось так часто, что я прижала руку к груди, словно боясь, что оно выскочит. Наткнувшись пальцами на золотое солнышко, сжала его в кулаке.

Когда мне исполнилось восемнадцать, я, как и любой житель империи, пошла в храм стихий, чтобы прикоснуться к оку. В деревенском храме оно было совсем невзрачным – обычный камешек в оправе из меди, словно серая незрячая радужка в обрамлении рыжих ресниц – немного похоже на погасшее солнце. Каково же было мое удивление, когда око вспыхнуло, озарив на миг и меня, и маму, и жрецов, и все простенькое убранство храма, куда мало кто заглядывал. Ведь в деревушке на юге империи магов не водилось вовсе.

Меня проверили еще дважды, и каждый раз око освещало храм, подтверждая, что во мне есть хаос. Лицо мамы стало все задумчивее, и мне это очень не нравилось – так начинались все великие проекты, из-за которых мы остались на мели. Теперь таким проектом стала я сама. Дочь-магичка. Мама решила выжать из этого максимум возможного.

Все закрутилось очень быстро. Мама зарегистрировала меня в реестре, выбила направление в академию и, конечно, поехала со мной.

То, что в ее глазах было величайшей возможностью, для меня поначалу обернулось сплошными разочарованиями. В деревне я знала каждую собаку и была своей. В академии, куда меня зачислили позже остальных, я получила комнатушку под крышей и острое чувство собственного несовершенства, которое усиливалось с каждым зачетом.

Конечно, такого эпичного провала, как на пересдаче у мастера Адалхарда, не было, но я совсем не блистала. То, что мои сокурсники полагали простым и понятным, мне давалось с трудом, а уж в ветвях магических родов я и вовсе плутала, как в дремучем лесу.

Но, теперь я могла в этом себе признаться, мне понравилось учиться: узнавать новое, ставить задачи – и решать их, планировать время, а не плыть по течению. Я полюбила библиотеку академии, где можно было найти ответ почти на любой вопрос, и сад больших деревьев, дарующих прохладу в жаркие дни и защищающих от ветра в холодные, и даже комнату под крышей я тоже полюбила. Она была только моя. Никто не навел там свои порядки, не вешал на спинку стула одежду, которую я должна надеть утром...

Наверное, надо найти маму, но так не хотелось снова надевать неудобные туфли и попадать под прицел серых глаз мастера хаоса.

– Вы ведь Арнелла Алетт? – спросили сзади, и я быстро обернулась.

На фоне бордовых портьер, отрезавших нас от танцую-

щих, стоял высокий синеглазый парень, словно сошедший прямиком из картины – в таком живописном беспорядке разметались его волосы и так безупречно элегантно была его поза.

– А вы?

– Эммет Лефой, – представился он. – Ваша мать обещала мне танец от вашего имени.

– Лефой? Вы, верно, сын Энцо?

Эммет походил на своего отца еще меньше, чем я на мать. Серый костюм, который он носил с легкой небрежностью, подчеркивал и широкие плечи, и узкие бедра. Я попыталась незаметно нащупать туфлю ступней.

– Но, если вы не хотите, мы можем просто побыть здесь, – предложил Эммет, подойдя ко мне и облокотившись о перила.

Ветер взъерошил его темно-русые волосы, слегка выющаяся на концах. Мама завивала и укладывала мои волосы битых два часа, и все равно не добились такого эффекта, который у Эммета создан лишь дуновением ветра.

– Хорошо, – согласилась я со смесью благодарности и разочарования. С ним я бы потанцевала.

– Я видел вас в академии, – признался он.

– А я вас нет.

– Неудивительно, – усмехнулся Эммет, повернувшись ко мне. – Вы спешили куда-то с целой кипой книг в руках, и

вид у вас был слегка безумный.

– Вот спасибо, – проворчала я, слегка уязвленная его словами. – Отчего здесь, в Фургарте, никто даже не пытается вести себя вежливо?

– Фургарт – ближайший город к Стене, – сказал Эммет. – Может, поэтому здесь особенно сильно хотят жить. А жизнь, как вы возможно уже знаете, Арнелла, не всегда втискивается в рамки. Иногда можно наплевать на приличия. Особенно если из-за Стены потянет хаосом, и твари начнут подбираться ближе...

Я невольно поежилась. В рамках учебной программы первокурсников уже водили к Стене, и никакого желания увидеть ее снова у меня не возникало. Нескончаемое переплетение стволов и ветвей высотой в три человеческих роста тянулось до самого горизонта. Ключья серого тумана просачивались через Стену и оседали пеплом, а Селеста всю обратную дорогу жаловалась, что ее одежда воняет смертью.

– Чтобы между нами не было недопонимания, уточню, что я вовсе не говорил, что вы выглядели плохо, – исправился Эммет. – Вам идет форма. Белая блузочка, черная юбка. Милые туфельки с круглыми носами. Белые носочки и белое белье. Первокурсницы – само воплощение невинности и соблазна.

Я почувствовала, что краснею. Спрашивать, откуда он знает цвет белья студенток, я не стала. Хотя Эммет, судя по внимательному взгляду из-под длинных ресниц, явно этого

ожидал.

– Вас кто-то обидел? – спросил он вдруг.

– Вы. Только что.

Он выпрямился, сжимая перила, и слегка откинулся назад.

– Я не хотел, – сказал он. – Простите. Так кто еще вас обидел, Арнелла?

– С чего вы вообще решили, что кто-то...

– Вы сказали, что никто не пытается вести себя вежливо, – перебил он меня. – Значит, я не был первым, кто вас задел. Но вам стоит к этому привыкнуть. Здесь, рядом со Стеной, у нас свой маленький мир. На некоторые правила мы смотрим сквозь пальцы. Есть действительно важные вещи – верность, смелость, чувство собственного достоинства... Любовь. Или влечение. Страсть...

Ага, вот так он и узнал цвет белья, которое выдают в академии. Кто-то поверил его трепотне.

– ...а есть условности, которые не играют большой роли. По-видимому, вы привыкли к другому обращению, Арнелла.

– Видимо, так, – не стала я спорить. – И никто меня не задевал.

– Тем лучше для него, – произнес он. – Вы ведь останетесь в академии?

– Не знаю, – честно ответила я.

На бал я шла с намерением найти мужа, но Родерик Адалхард сказал, что принял зачет. Значит, у меня еще есть воз-

возможность обуздать свой хаос...

– Вы красивая, – сказал Эммет вдруг.

– Спасибо. Вы тоже... хорошо выглядите.

Он усмехнулся и, протянув руку, накрыл мою ладонь. Прохладные пальцы легонько погладили кисть. Эммета хотелось рассматривать, в его чертах сочетались мягкость и твердость: удлиненный разрез глаз с длинными ресницами и острые скулы, чувственные губы и твердая линия подбородка. Кроме того, он наверняка богат, явно молод и вполне здоров. Куда более выгодная партия, чем мой предыдущий партнер по танцам.

Музыка, доносящаяся из зала, вдруг оборвалась, и в зале повисла тишина. Нахмурившись, Эммет отодвинув штору, и я увидела с десяток патрульных.

– Скоро начнется Охота, – произнес он, не оборачиваясь.

Я же во все глаза смотрела на женщину в парадной форме патрульного. Белоснежный китель подчеркивал высокую грудь, черные бриджи, заправленные в сапоги с серебряными пряжками, бесстыдно облегли стройные бедра. Каштановые волосы, уложенные гладкой волной, спадали на синий плащ, струящийся, словно вода.

К моему удивлению, незнакомка прямым ходом направилась к мастеру Адалхарду, который вышел из толпы. Они обнялись как близкие друзья, словно в этом нет ничего необычного – обнимать женщину на людях.

Эммет задернул штору, словно закрыв занавес на сцене, и

повернулся ко мне. Мы очутились так близко друг от друга, что я чувствовала его дыхание на своих губах.

– Это Джемма Кристо, – сказал Эммет, изучая мое лицо. – Вы еще познакомитесь с ней. Она ведет основы стихии воды и артефакторику.

Он шагнул вперед и оперся на перила, так что я, попятившись, оказалась между его рук. Чудовищная интимность! Но что делать? Звать на помощь? Отталкивать его? Попасть в скандал на первом же балу?

– Ты ведь еще не помолвлена, Арнелла?

Мое дыхание сбилось. От Эммета пахло мятой и вином, а в глубине синих глазах плескалась темная бирюза.

– Нет, конечно, нет, я ведь только недавно приехала и потом учеба, и это первый бал... – сбивчиво ответила я и перевела дух. – Друзья зовут меня Арья.

– Арья, – сказал он и улыбнулся. – Мне нравится. Хотя не думаю, что хочу быть просто твоим другом. Ты понимаешь?

Он вдруг склонился ко мне еще ближе, я уперлась ладонями в широкую грудь, пытаясь оттолкнуть, и Эммет нехотя отодвинулся.

– Ты проходил Лабиринт? – спросила я, просто чтобы перевести тему.

– Конечно, – пожал он плечами. – Ты тоже пройдешь через него, и одна из стихий выберет тебя. Не бойся.

– Я не боюсь, – соврала я. – Хотя, по правде сказать, совсем недавно я собиралась запечатать хаос. Он мне не под-

дается. Самые простые заклинания оборачиваются катастрофой.

– Даже не думай, – отрывисто приказал он. – Если хаос запечатают, ты уже не будешь прежней. Ты не знаешь, какая часть характера или внешности – его проявление. И ты этого лишишься.

– Но моя подруга Селеста говорит, что это разумное решение... – возразила я, сбитая с толку переменой в его поведении.

– Твоя подруга Селеста – дура, – сказал он. – И ты, если думаешь о запечатывании, тоже.

Он отшатнулся и окатил меня таким ледяным взглядом, что я опешила.

– Сам дурак! – выпалила я. – Тебя не спросила, что делать.

– Вот и зря. Раз уж своих мозгов нет, могла бы и попросить совета.

– У тебя что ли? Засунь свои советы знаешь куда?

– Куда? – с вызовом спросил Эммет.

Я прикусила губу, сдерживая рвущиеся наружу слова. А он вдруг шагнул ко мне, присел и прикоснулся к моим измученным ступням.

Ахнув, я вцепилась в перила балкона, а потом не сдержала стон удовольствия. Это было все равно что окунуться в чистое озеро в жаркий день, попасть в оазис посреди пустыни, выпить мятной воды со льдом в разгар летнего зноя.

Ступни легко скользнули в туфли, и я, покачнувшись на

каблуках, непроизвольно оперлась выпрямившемуся Эммету на грудь.

– Спасибо, – пробормотала я, отдергивая руки.

– Увидимся. Арья.

Он бросил на меня последний взгляд, и бордовая штора качнулась, скрывая его и танцующих. Помедлив, я чуть сдвинула ее, выглядывая в зал. Патрульные разбрелись по залу, и белые кители выделялись на фоне ярких платьев, как комья снега на пестром лугу. Джемма Кристо разговаривала с какими-то господами, окружившими ее плотным кольцом. Один пригласил ее на танец, но она покачала головой в знак отказа и что-то сказала ректору, который стоял возле нее. Красивая, сильная... Свободная. Маг водной стихии, судя по ее синему плащу.

– Солнышко, что ты тут прячешься? – возмутилась мама, подходя ко мне. – Я получила от твоего имени с десятков предложений потанцевать!

– Я не хочу, – ответила я, не сводя глаз с Джеммы.

– Но это твой шанс! Арнелла! На этом балу маги выбирают невест.

– Выставка мяса, – вспомнила я слова ректора. Мимо прошли еще несколько дам в положении. – Отчего тут столько беременных? – спросила я, повернувшись к маме. – И тот Бонифаций, которого сватали старушки... Мало ему шести детей?

– Налоговые льготы от императора, за каждого ребенка, –

нехотя пояснила мама. – Помимо щедрых выплат к свадьбе, если оба носители хаоса. Ты уже познакомилась с Эмметом, сыном Энцо? Я пообещала ему танец от твоего имени. Он маг воды и такой симпатичный!

– Он заносчивый засранец, – ответила я, переступив с ноги на ногу. В ступнях была легкость и никакой боли, и я готова была танцевать хоть ночь напролет.

– Не смей так выражаться, когда мы не наедине, – сказала мама, и, взяв меня под руку, повела к фуршетному столу. – Значит, Эммет – грубиян? А вот его отец весьма любезен. Он мной полностью очарован, представляешь?

– Представляю, – кивнула я. – Тебе очень идет это платье.

– Спасибо, солнышко. Хорошо, что Энцо не маг. Может жениться на ком пожелает. Хотя в их роду есть хаос, и его первая жена была запечатанной магичкой. Так интересно, какой дар у тебя...

Дар внезапного обнажения. Дар попадать в неловкие ситуации. Дар заводить «друзей». Эммет так быстро перешел от явной симпатии к ненависти и обратно. Что с ним не так?

– Тебе надо попробовать пирожные, – продолжила щебетать мама. – Это что-то невероятное! Вишневый крем, горький шоколад, и все это на хрустящем ореховом тесте. Как думаешь, это прилично – спросить рецепт? Или лучше одолжить кухарку? Хотя за последние годы я научилась готовить сама. Недавно сварила суп, представляешь? Правда, его пришлось вылить... Признайся, ты, наверное, просто счастли-

ва, что теперь можешь подарить своей любимой мамочке достойную жизнь?

– Да, – вздохнула я, осознавая главное: мне дадут стипендию за второй семестр, и мама сможет оплатить аренду и купить любое пирожное, какое захочет. – Я просто счастлива.

***

– Охота без тебя – это так странно, – Джемма безошибочно повернулась в ту сторону, где проходила Стена, пусть ее и не было видно из Фургарта.

Хаос звал тех, в ком была его часть. Раньше в ответ на этот зов огонь разгорался сильнее. Сейчас внутри осталась лишь тянущая пустота. Родерик вынул из внутреннего кармана пиджака сигару и покрутил ее в пальцах.

– Еще не нашел, от кого прикурить? – резко спросила Джемма, кутаясь в свой плащ.

На балконе, куда они вышли поговорить, было зябко, но Родерик привык к холоду, который теперь был с ним всегда.

– Как видишь, – ответил он. – Будь осторожна. Там, за Стеной.

Джемма кивнула, и ее блестящие каштановые волосы упали на лицо. Родерик сдвинул прядь, погладил нежную щеку, такую гладкую, словно Джемме все еще восемнадцать. Маг воды. Отличная кожа до самой старости. Маленький, но приятный бонус.

– Мне жаль, что я не могу пойти с тобой, – мягко сказал он.

– А мне жаль, что я не могу... ну, ты понимаешь.

Она смахнула со щеки слезинку. А вот это скорее недостаток – излишняя плаксивость. Родерик терпеть не мог женских слез, а из мага воды они лились по любому поводу. Арнелла Алетт вчера сумела сдержаться и не расплакалась, хотя ее глаза блестели от слез. Мисси сказала, что другая студентка уговорила ее покинуть академию, и Родерик не хотел, чтобы это произошло из-за него.

Штора была сдвинута, и он видел пары, кружащиеся в танце по залу. Музыка гремела, пахло воском. К Арнелле Алетт приклеился какой-то напояженный столичный хлыщ, откупившийся от императора и запечатавший хаос.

Родерик определял таких сразу – чуть скованные движения, расфокусированный взгляд. Выражение лица как у человека, который что-то потерял или забыл... Неужели он тоже станет таким?

– Ты вспомнил что-нибудь еще? – тихо спросила Джемма. – О том... Когда встретил ее...

– Я рассказал тебе все, – ответил Родерик, и сигара в его пальцах сломалась, а табак, подхваченный ветром, закрутился в спираль.

Туман, в котором все теряет реальность. Сплетение стихий, воплощенное в женском теле. Непостижимая, влекущая. Сама сущность хаоса. Корона из костей, волосы как стекло. Она позвала его, а потом...

– Хватит пытаться меня, Джемма, – попросил он мрачно,

снова находя взглядом красное платье.

Кто знает, что лучше для этой девочки. Может, запечататься и выйти замуж, нарожать с пяток детей и жить себе спокойно, оставив и хаос, и Стену дурным снам.

– Ты изменился, – обиделась Джемма.

– Так и есть, – вздохнул он и посмотрел на нее. – А ты все так же прекрасна. Придешь ко мне сегодня?

– Посмотрим, – холодно ответила она. – Я не смогу долго прикрывать тебя, Родерик. Однажды всем станет известно, что ты потерял магию.

– Я верну ее.

Джемма резко отвернулась, так что ее волосы, взметнувшись, задели его по лицу, и пошла прочь. Синий плащ стелился за ней, как река.

– Миранда Корвена! – объявил дворецкий запоздавшую гостью, и Родерик, швырнув сломанную сигару за перила, направился в зал. – Хаос неясной природы, потенциал не определен, наследственность огня, – голос слуги зазвучал чуть тише: – Способность к деторождению под сомнением. Не помолвлена. Без сопровождения.

Высокая рыжая девушка в облегающем черном платье – нацепила траур, вот же зараза – прошагала в центр зала, обвела присутствующих высокомерным взглядом, нашла Родерика и, демонстративно выставив руку, показала ему неприличный жест. После, развернувшись, такой же уверенной походкой пошла прочь. Рыжие волосы горели в свете свечей

ярко, как всполохи пламени. Дворецкий закрыл за ней двери и сконфуженно улыбнулся. Музыка вновь заиграла.

– Это было эффектно, – заметил Энцо, подходя к Родерику. – Миранда Корвена – кто она?

– Та, ради кого я сюда пришел, – ответил он, стряхивая с пальцев прилипший табак.

Глава 5. Выбор

– Восемь брачных предложений! – мама размахивала перед моим лицом пачкой конвертов, и я, застонав, перевернулась на живот и накрыла голову подушкой. – Так... Шестидесят восемь лет... Отмечаем сразу. Кто-то бы сказал – неплохой вариант. Останешься потом молодой веселой вдовушкой. Но эти старики бывают коварно живучи. Так что, Мелвин Варуна, прощай.

Я выглянула из-под подушки, и конверт спланировал мимо моего лица на пол, а у окна вдруг выросла полупрозрачная пузатая фигура. Я взвизгнула, натянула одеяло на макушку.

– Спокойно, – сказала мама. – Это иллюзия. Очень удобно.

Осторожно выглянув, я посмотрела на толстячка у окна. Он приветливо улыбался и непринужденно держал руку в кармане брюк. Из кармашка жилета свисала толстая золотая цепочка.

Мама провела через него рукой туда-сюда, толстячок пошел рябью, как речная вода от ветра.

– Давай дальше смотреть. Тут поинтересней кандидат, – сообщила мама. – Пауль Марнелло, сорок пять лет, состояние... фабрики...

Рядом с толстячком появился высокий тощий брюнет с

подкрученными вверх усами.

– А! Это тот господин с блестящими волосами, что не отходил от тебя во второй половине бала, – вспомнила мама, обходя иллюзию по кругу.

– У него не волосы блестящие, а масло, которым он их помазал, – ответила я, вспомнив горьковатый запах, который стал сильнее к концу вечера.

– Он запечатанный маг, – прочитала мама письмо. – Вдовец.

– И его первая жена померла от бесконечных родов? – спросила я.

– Не исключено. Послушай, мы сможем решить этот вопрос, – прошептала она, склонившись ко мне. – Родишь двоих, и хватит. Я достану зелье...

– Мама, я не хочу замуж, – сказала я, садясь в постели и подтягивая одеяло. После вчерашнего вина немного кружилась голова, но я прекрасно помнила, что сказал Родерик Адалхард: он поставил мне зачет и перевел на следующий семестр. И значит, мне не надо торопиться с замужеством.

– Арнелла, не своди меня с ума, – отмахнулась мама, берясь за следующий конверт. – Только вчера ты согласилась, что в академии тебе больше делать нечего. Поступление было нам нужно, чтобы о тебе узнали. Чтобы попасть на бал. Чтобы получить предложения. И вот они у нас.

– Я передумала, – тихо пробормотала я.

– А я – нет! – вспыхнула мама. – Ты выберешь достойного

мужчину и осчастливишь его собой.

– Своим хаосом и налоговыми льготами, – проворчала я. – Мама, я вернусь в академию. Стипендии вполне хватает на нас обеих. Я могу учиться там три года. И потом еще два года практики. И потом, когда я стану дипломированным магом, нам тоже не нужно будет волноваться о дальнейшей жизни. Император щедр...

– Не нужно волноваться? – воскликнула мама, а на ее щеках вспыхнули неровные красные пятна. – Да ты знаешь, чего я наслушалась о вашем Лабиринте? Мне сказали, что иногда оттуда не выходят!

– Очень редко, – ответила я, отводя взгляд.

– И ты не знаешь, кем станешь после. Вдруг – анимагом? Те старушки, что сватали Бонифация, говорили, что ты анимаг.

– Они долго живут, не болеют, – пожала я плечами. – Хотя вряд ли я анимаг. В академии нам говорили, что дети с такими способностями вытягивают силу у родных. А ты вон какая красавица.

– Не льсти мне, коварный ребенок, – мама немного успокоилась и даже улыбнулась, открывая очередной конверт. – Анимаги меня пугают. В них проявляется что-то животное. Обрастешь шерстью, станешь скалить зубы, а если у тебя вырастут когти на ногах, то будет сложно подобрать туфли...

Она всхлипнула, а я закатила глаза, а после выхватила у нее остальные письма.

– Гляди-ка, тут даже Бонифаций есть, – прочла я. – Одна из тех старушек, кстати, ущипнула меня за зад. Наверное, синяк остался.

– Может, не только старушки тебя щипали, – игриво предположила мама. – Расскажи, кто-нибудь из кавалеров приставал к тебе? Может, Эммет, с которым ты пряталась на балконе?

К счастью, маме вовсе не требовался ответ.

– Если бы знать природу твоего хаоса, можно было бы рассчитывать на предложение от мага-стихийника. Но рисковать мы не будем, – мама взяла следующий конверт. – Ой, это же мне! Энцо Лефой приглашает меня на прогулку! Я сто лет не была на свиданиях!

Она вскочила с моей постели и закружилась по комнате, а я сползла с подушки и уставилась в потолок, потом покосилась на две фигуры у окна.

Родерик Адалхард отговаривал меня от Лабиринта. Пусть не прямым текстом, но он ясно дал понять, что я много потеряю, если запечатаю способности. Лабиринт пугал меня, но выходить замуж за незнакомца, рожать детей год за годом и так и не узнать, что таится во мне самой, – тоже страшно.

– Мам, а ты можешь дотанцевать до кухни и принести мне водички? – попросила я.

– Иду-иду, бегу-бегу, – пропела она, вальсируя из комнаты. – Ах, Энцо пишет, что сражен моей красотой. Он от меня просто без ума!

– Может, зашел в городскую управу и увидел картину «Две нимфы у лесного пруда»? – предположила я. – Ее можно оттуда как-то изъять?

– Нельзя, – пропела мне мама из другой комнаты. – Мы с тобой произвели фурор, дорогая. Хотя, конечно, эта рыжая девушка тоже всем запомнилась. С чего она так разозлилась на вашего ректора? Он ее отчислил? Ты ее знаешь?

– Не знаю, – соврала я, глядя на следующий конверт.

Миранда Корвена, главное действующее лицо сплетен Селесты. Если хотя бы половина из них правда... Лучше маме вовсе не знать. По слухам, Миранда переспала с половиной академии, и это только за первый семестр. На занятиях она почти не появлялась, а если и приходила, то дерзила преподавателям. Хотя иногда, если тема урока ее цепляла, высказывала вполне здравые суждения.

Я вскрыла конверт. Имя господина, приславшего очередное предложение руки и сердца, не говорило мне ни о чем. Запечатанный маг огня. Третья фигура появилась у окна и развязно мне подмигнула. Ах, да. Залысины и волосатые ноздри.

Но отчего Миранда повела себя так грубо с ректором? Может, у них что-то было? Он – маг огня, у нее – подходящая наследственность. Стихийники обычно ратуют за чистоту магии, предпочитая жениться на своих.

Я прикоснулась к виску, где ощущался фантомный поцелуй Родерика Адалхарда. «С чего вы взяли, что я хочу на вас

жениться», – так он сказал. И после его намеков я решила, что он имеет в виду... непристойное. Но скорее ему вовсе ничего не надо от меня.

– Я слышала, как две дамы обсуждали вашего ректора, – сказала мама, подавая мне стакан с водой, к которому я тут же приникла. – Мастер хаоса, боевой маг, стихийник огня. Участвовал в двенадцати Охотах, но на последней ему не повезло.

Я пила воду, не подавая вида, что ловлю каждое мамино слово.

– Он ушел в очередной патруль и потерялся в хаосе. Его искали, но не нашли, и он вышел сам, через день.

– Но ведь вышел, – нахмурилась я, отставляя пустой стакан на туалетный столик. – В академии тоже ходят разные слухи. Что его там как-то ранило.

– Говорят, – мама придвинулась ближе и прошептала, – он встретил за Стеной саму Королеву...

***

Я убедила маму, что мне хочется отдохнуть после бала, и что я нисколько не обижусь, если она оставит меня одну и отправится на свидание. Однако, когда двери за ней наконец-то закрылись, я затосковала. На меня давили чужие стены, а еще больше – восемь мужчин, выстроившихся в моей спальне. Протиснувшись между Бонифацием, который оказался поджарым старикашкой с козлиной бородкой, и нежным юношей Алоизом, чью кандидатуру мама отвергла как

безденежную, я пошла исследовать квартиру.

На спинках стульев висели мамины шали и шарфы, в вазе посреди пыльного стола торчала сухая роза, на столике под зеркалом в прихожей валялись расчески и заколки, а в остальном же обстановка была безликой, как и положено съемным апартаментам. Две спальни, гостиная, кухня с обеденной зоной и небольшой кладовой и ванная комната. Горячая вода здесь лилась из крана сама, как и в общежитии академии, и я долго нежилась в ванне, отмываясь от запахов воска и чужих духов.

Я любила море и плавала как рыба. Что если мой хаос обретет форму стихии воды? Мне дадут синий плащ, и я стану такой же прекрасной, как та женщина, которую ректор приветствовал как равную... Я набрала в грудь побольше воздуха и погрузилась в ванну с головой, однако вскоре вынырнула и закашлялась от воды, набравшейся в нос.

После ванны я замотала волосы в полотенце и укуталась в мамин халат. Пошатавшись по квартире, сделала себе бутерброд из найденных в холодильном шкафу сыра и ветчины и устроилась прямо на подоконнике. Хлеб был слегка подсушенный и хрустел на зубах, и улица за окном тоже шумела. На площадь с фонтаном, где жрецы в синих мантиях благословляли свою паству, высыпал народ. Ледяные стены храма устремлялись так высоко, что мне пришлось вывернуть шею, чтобы увидеть шпили, на которые нанизывались облака – белые и курчавые, как барашки на морских волнах. Двуми-

кий бог воды мог быть добрым и теплым, как морской прибой, в котором я находила ракушки и куски янтаря, а мог забрать самое дорогое, как он забрал моего отца, погибшего при кораблекрушении. Не имея возможности похоронить мужа, мама пять лет считалась замужней женщиной. Год назад отца признали погибшим, и теперь она получила шанс снова устроить свою судьбу.

В углу кухни стоял глиняный божок со стекляшками вместо глаз, молоко в чаше у его ног уже подернулось пленкой. Половина лица мужская, половина женская, черты грубые, точно слеплены впопыхах, и улыбка получилась кривоватой, а на щеке то ли вмятина от неловких пальцев, то ли ямочка, как у мастера Адалхарда. Облака, несущиеся по небу, оборвались резко, точно кто-то сдернул скатерть со стола, и солнечный свет облил всю кухню золотом. Глаза божка вспыхнули точно огонь.

А из-за его спины показался уголок конверта, который я не заметила сразу.

Спрыгнув с подоконника, я подошла к нему и вытащила всю пачку писем, которые мы получили сегодня. Мама не оставила надежды убедить меня выйти замуж. Она отступила, дав мне шанс подумать, но после свидания начнет насесть с новой силой. Разумом я была готова с ней согласиться – в академии мое будущее кажется таким зыбким и неясным. Обучение, испытания, Лабиринт. О практике на Стене я пока даже не думала. Куда проще выйти замуж хоть за Алоиза.

Бедный, но симпатичный. Прямо как я. Будем жить с ним на пособие от императора и строгать детишек.

Раздраженно сунув конверты назад за божка, я пошла в спальню, взяла одежду из шкафа и вышла в гостиную. Одеваться в комнате, где все еще стояли восемь мужчин, пусть даже иллюзорных, я стеснялась. Натянув платье и скрутив еще влажные волосы в пучок, я обула разношенные туфли и выскочила из квартиры, словно меня оттуда гнали твари хаоса.

Улица стелилась под ноги, поблескивая влажной брусчаткой, а людской гомон задевал меня не больше, чем птичьи крики. Ледяные шпили водного храма были видны издалека, и я не боялась заблудиться в незнакомом городе.

Когда мы жили у моря, я любила гулять в одиночестве, особенно когда грустила или на душе было беспокойно, и теперь я бродила по улочкам, заглядывая в окна и видя в них чужую жизнь. Все вокруг было таким реальным – и одновременно ненастоящим. Заботы, печали, споры и радости – все пролетало мимо, не касаясь меня, и в какой-то момент мне стало казаться, что ненастоящая здесь я. В одном из переулков я обогнула увлеченно целующуюся парочку, в другой – скользнула мимо косматого пса, который не повел в мою сторону даже ухом. Я прошла мимо храма воздушников и не задержалась у храма огня, цветы анимагов тоже остались позади, напоминая о себе лишь ароматом, пропитавшим мое пальто. Черный, как бездонный колодец, кристалл

некромантов остановил меня на какое-то время, но я не решилась просить совета у смерти. Молитва рождалась в моем сердце в такт шагам. Я просила о покое для отца, о милости для матери, о счастье для Селесты. А что попросить для себя – не знала.

Я свернула в какую-то улочку, спускающуюся вниз, и пошла по ней, придерживаясь за стену, чтобы не поскользнуться. Под ногами сгустился туман, вскоре поднявшийся выше, так что я шла, не видя дальше собственного носа. Вдруг стена под моими пальцами исчезла, и я замерла, шаря вокруг себя руками. Крик застыл в горле, и сердце застучало в ушах. В какой-то момент мне показалось, что я уже попала в Лабиринт и теперь буду бродить по Хаосу, не находя дороги назад. Собравшись с духом, я сделала маленький шаг вперед, после еще один. Когда впереди забрезжил огонек, я бросилась к нему, как к лучшему другу, и с облегчением толкнула дверь, за которой обнаружилась таверна, где в очаге плясало пламя, а за столом сидел лишь один путник.

Глубоко вздохнув, я приложила руку к груди, успокаивая бешено бьющееся сердце, а после подошла к деревянной стойке в конце помещения.

– Эй, – позвала я, – есть тут кто-нибудь?

– А я что, не считаюсь? – насмешливо спросил мужчина за столом. – Садись, – он указал на лавку напротив.

Я подошла к нему и опустилась на деревянную скамью, неловко взяла предложенную половинку краюхи. Смуглое

скуластое лицо мужчины казалось мне смутно знакомым. Может, мы уже встречались? Его кожа задубела от ветра, как у моряков, седина присыпала волосы, словно соль.

– Куда ты идешь?

Я открыла рот и закрыла, не зная, что ему ответить. Стоит подняться по улице выше и найти просвет между домами – и я наверняка увижу шпили водного храма, рядом с которым стоит дом, где мама сняла квартиру. Но я не хочу туда возвращаться.

– Если ты не знаешь, куда идешь, то не можешь заблудиться, – философски заметил мужчина, наливая во вторую кружку компот, от которого пахло малиной. – Но так ты никуда и не придешь, – добавил он.

– Куда-нибудь да приду, – возразила я. – Спасибо за угощение.

Хлеб был мягким, а компот сладким. Странно, что на столе была вторая кружка, словно мужчина меня ждал.

– А вы куда идете? – спросила я, чтобы поддержать беседу.

Мужчина смотрел на меня с легкой улыбкой, как на старую знакомую, и я пошарила в памяти, пытаюсь вспомнить, где могла видеть эти глаза – светло-карие, почти желтые.

– Куда-нибудь, – неопределенно ответил он.

– Вы тоже заблудились?

– Я знаю все дороги. Ты так выросла.

– Мы знакомы?

– Я знаю тебя, – кивнул он. – Когда ходишь туда-сюда, то

невольню знаешь многое. Арнелла.

Я вздрогнула. Все обрело какой-то налет сумасшествия. И улица, затянутая туманом, и пустая таверна, и этот незнакомец, который говорит со мной так, будто мы старые друзья.

– Спроси у меня, – сказал он, и глаза его, вспыхнув, стали ярко-желтыми, как у божка.

– Кто вы?

– Не тот вопрос.

– Это Лабиринт?

– Опять ошиблась. Ну же, Арья.

– Что мне делать? – выпалила я, ставя кружку на стол и кладя на него ладони. Незнакомец назвал меня детским именем, и это было как ключ, открывший мое сердце. – Во мне хаос, и я не знаю, как поступить. То ли запечатать его и выйти замуж, то ли продолжать учиться и пройти Лабиринт. Оба варианта пугают, и мне советуют разное, и я запуталась. Я не знаю, куда мне идти.

Мужчина смотрел на меня и молчал, и мне стало отчаянно стыдно, что я выплеснула на незнакомца свои личные переживания. Он просто путник и не может знать, что лучше для меня.

Путник?

Я отдернула ладони от стола и, ошарашенная догадкой, посмотрела на мужчину, сидящего напротив.

– Ты этого боишься? – спросил он. – Не выйти из Лабиринта и стать путницей? Боишься меня?

Я сглотнула. Желтые глаза мужчины завораживали, но мне не было страшно.

– Вы видите судьбы, это правда?

Он кивнул.

– Жизнь – дорога, и я вижу твою. Ты ищешь совета, просишь подсказки. Но никто не проживет твою жизнь вместо тебя, Арья. Выбери дорогу сама. Просто сделай первый шаг, а потом следующий...

Он допил компот и поставил чашку на стол.

– А какая моя стихия, вы знаете? – торопливо спросила я.

Он поднялся и, склонившись, легонько поцеловал меня в лоб. На кожаном плаще, мелькнувшем перед глазами, виднелись следы красной глины, желтого речного пепла и черная сажа, и просто серая пыль...

Я вскочила с лавки, бросилась следом за мужчиной на улицу и застыла, оторопев от шума и гвалта рыночной площади. Мимо проехала телега, груженная мешками, от которых несло капустой. Торговка в засаленном платье шмякнула на весы пласт мяса. Мальчишки толкнули тетку, и из ее корзины выпали яблоки, запрыгав по мостовой. Я обернулась – позади тянулись торговые ряды с деревянными лотками и посудой.

– Чего стала? – рывкнула на меня тетка, подбирающая яблоки.

Подняв то, что подкатилось к моим ногам, я подала ей, и она выхватила яблоко, точно я пыталась его украсть. Ле-

дяные шпильки водяного храма отражали синее небо совсем близко, и я медленно пошла к нему, чувствуя внутри странную пустоту.

Поднявшись по лестнице, я скинула туфли и, сняв шляпку, распустила волосы, расчесав их пальцами. А после направилась на кухню, вылила в раковину скисшее молоко и сложила в чашку письма. Найденная у плиты спичка чиркнула, и пламя радостно заплясало у ног бога, пожирая бумагу.

Я сделала следующий шаг, выбрала поворот. Куда бы ни вела эта дорога, я готова по ней пройти.

Письма сгорели, оставив после себя пепел и запах дыма, и я открыла окно, чтобы проветрить кухню. Радужный мост изгибался над фонтаном, отражаясь в стенах водного храма и дробясь на острых гранях и шпильках разноцветными осколками.

Повернувшись в комнату, я осмотрелась. Крошки, пятна на плите, отпечатки пальцев на шкафчике с посудой. Мама так и не привыкла жить без слуг, а моей стипендии на них не хватало.

– Тиденис мунтас, – произнесла я, взмахнув руками, и энергия вдруг брызнула во все стороны солнечными зайчиками. Заблестел пол, точно его вымыли с мылом, засверкала плита, исчезла и паутина в углу потолка, и пыль на карнизе.

Я остолбенела. А после, придя в себя от шока, радостно взвизгнула. Быстро, боясь растерять решимость, побежала в спальню. Женихи уже почти развеялись, только Бонифаций

еще держался зыбкой тенью. Взяв саквояж, который я даже не разобрала, пошла в прихожую. Записку я оставила на зеркале, подсунув уголком под раму, – тут ее мама сразу увидит, и покинула апартаменты, которые никогда не станут моим домом.

До академии можно добраться на почтовом дилижансе, который ходит из Фургарта в Олпет. Занятия начнутся только через пару дней, но мне не мешает повторить теорию хаоса. А еще надо взять новый комплект одежды у коменданта и попробовать закрепить «пылестер» еще раз.

Глава 6. Ученье свет

– Итак, дамы, перед нами стоит ответственная задача: выяснить, кто из вас способен удержать хаос, а кто предназначен лишь для вынашивания детей. Что тоже, несомненно, очень важное занятие.

Преподаватель по физической подготовке прошаживался по спортивной площадке, а мы, студентки, выстроились перед ним в ряд. От всего потока осталось лишь четыре девушки.

Миранда Корвена смотрела на учителя снисходительно, словно нарочно провоцируя его наглым видом. Кофту она расстегнула, так что было видно и маленький аккуратный пупок, не прикрытый короткой белой майкой, и отсутствие лифчика. Прохладным утром это особенно бросалось в глаза.

Айрис Рок, бесприданница из какой-то глухомани на севере. Черные волосы, белая кожа, пугающе светлые глаза. Маленькая и хрупкая, она едва доставала мне до плеча. В ней подозревали некромантку, и никто, даже Бонифаций, не сделал ей предложения.

Ровена Тиберлон демонстративно фыркнула на замечание преподавателя и отвернулась. Она здесь как раз потому, что намерена найти достойного мужа. Ей сделали около двадцати предложений, но ни одно из них не устроило потомствен-

ную аристократку, потенциальную стихийницу воздуха и наследницу огромного состояния. Острый нос Ровены был выскомерно задран, а и без того тонкие губы поджаты в линию, платиновые волосы заплетены в сотни косичек и собраны в причудливый узел на затылке. Длинную шею обвивала толстая золотая цепь, а в спортивных ботинках, выданных комендантом, блестели золотые шнурки.

И я. Четвертая. После того, как я удрала из Фургарта, от мамы не было вестей. Я думала, она помчится за мной, станет уговаривать, угрожать, давить на чувство вины, но тишина была еще страшнее. Мама явно что-то задумала.

Учитель остановился напротив, глядя на меня с хмурой подозрительностью. Сам он не вызывал особого желания рассматривать его подольше: выступающие надбровные дуги, цепкие, глубоко посаженные глаза, тяжелая челюсть. Нос сплюснут то ли от природы, то ли от хорошего удара кулаком, нижняя часть лица темная от пробивающейся щетины, волосы топорщатся и в вырезе спортивной кофты, и даже из-под рукавов.

– Кто ты такая, Арнелла Алетт? – спросил он, стоя напротив, расширив ноздри и словно бы принохиваясь.

Кто я – сама не знаю, а вот он, Рурк О’Хас, напоминал медведя – такой же грозный, огромный и волосатый.

– С этими все понятно, – он дернул тяжелой челюстью в сторону девушек, не отрывая взгляд от меня. – Рыжая – девчонка ректора, черная похожа на смерть, белобрысяя –

стерва...

– Я бы попросила... – вспыхнула Ровена, но Рурк взмахнул лапищей, останавливая поток слов.

– А ты довольно милая. Таких всегда разбирают после первого бала. Даже бесприданниц. Так что с тобой не так? – он снова втянул мой запах.

– Все со мной в порядке, – ответила я нехотя, чувствуя себя неуютно под давящим взглядом. – Просто не захотела принимать предложения.

– И это довольно странно, – ядовито произнесла Ровена. – Ты не из магического рода. Вообще непонятно, откуда в тебе хаос. За душой – ни гроша. На твоём месте предложениями не разбрасываются.

– Ты бы рот свой закрыла, – встряла Миранда. – Сама отчего-то не побежала под венец.

– Я из рода Тиберлон. Старейшего рода стихийников. Перед тем как обратиться ко мне, ты должна присесть в реверансе, – высокомерно произнесла Ровена, окинув Миранду презрительным взглядом. – А после испросить позволения говорить.

– Видимо, всех потенциальных кавалеров скрутило от заворота кишок при виде твоей кислой рожи, – усмехнулась Миранда, лениво потягиваясь, так что ее грудь проступила под майкой еще отчетливее.

– Если хочешь знать, мне поступило около двадцати предложений...

– Не хочу, – отрезала Миранда. – Ты все уши прожужжала своими предложениями еще за завтраком. Небось, все были от стариков вроде Бонифация.

– Любое из них сделало бы честь для вас, – фыркнула Ровена.

– Скажи, сколько их было точно, этих предложений. Ты всегда говоришь – около двадцати. Готова поспорить, куда ближе округлить к десяти, если не к одному. Признай, что это был тот старикан, который разослал предложения вообще всем.

– Некоторым не досталось и его. – Ровена бросила жалостливый взгляд на Айрис, которая смотрела куда-то в небо. – Что ты туда уставилась? Ищешь воронье?

– Молчать! – рявкнул Рурк, и мы все подпрыгнули от неожиданности. – Два круга рысцей, вперед.

– Я не думаю, что сейчас благоприятная погода для прогулок, – заметила Ровена, тоже глянув в небо, затянутое серой хмарью. – Очевидно, что собирается дождь.

Рурк шагнул к ней, но Ровена не попятилась. Напротив, расправила плечи, глядя прямо в глаза учителю. Они стояли так какое-то время, сверля друг друга взглядами, и я отчего-то подумала, что поставила бы на Ровену.

– Ты... – выдохнул Рурк.

Он поднял лапищу, выставил указательный палец с волосатой фалангой и желтоватым ногтем, будто намереваясь ткнуть им в Ровену, но передумал, опустил руку.

– Ровена Тиберлон, – снова представилась девушка, еще выше задрав острый нос. – Старинный род стихийников, берущий начало...

– Плевать я хотел, – перебил ее Рурк, и Миранда одобительно хмыкнула. – Я – ветеран двадцати Охот и уже пять лет как вдовец. Если я обращусь к императору, он не откажет выдать за меня хоть самую королеву Хаоса. Так что или ты выполняешь все команды, как послушная болонка, или отправишься под венец со мной. Будешь Ровена О’Хас. Ясно тебе?

Она поджала губы так, что те побелели. На скулах вспыхнули розовые пятна от гнева.

– Два круга, вперед! – прикрикнул Рурк, и мы вчетвером побежали по периметру площадки.

Песок на дорожке был влажный и хрустел под подошвами, трава в центре блестела от росы. Парни с нашего потока играли с мячом неподалеку на площадке, вытоптанной до каменной твердости. Их ряды тоже поредели. С десятков человек запечатали магию, избежав Лабиринта, хоть для этого им и пришлось откупиться от императора. Это девушкам хаос запечатывают легко и просто. Мужчины же считаются куда более крепким сосудом, чтобы выдержать стихию.

Темная вихрастая макушка возвышалась над всеми. Парень бросил мяч из дальнего угла площадки, и тот попал точно в кольцо. Поймав мой взгляд, улыбнулся и я быстро отвернулась.

– Чего ты осталась, в самом деле? – спросила Миранда, догнав меня. – Никто не сделал предложение?

– Сделал, – ответила я. – Но я не хочу замуж. А ты? Почему он назвал тебя девочкой ректора? Ты... с мастером Адалхардом?

– Еще чего, – фыркнула Миранда и умолкла. Мы бежали рядом, и я думала, что так и не услышу ответ, но она все же сказала: – Ему позарез понадобилась невеста – магичка огня. Чистота крови и стихии. Тупая блажь. И плевать, что этой самой магичке он вовсе не нужен. Плевать, если у нее уже есть жених...

Голос ее сорвался, и она побежала быстрее, отрываясь от меня. Рыжая коса хлестала ее по спине, подгоняя, словно плеть. Со стороны площадки, где играли парни, послышался какой-то шум, я обернулась, увидела, как сразу несколько человек повалились в грязь, молотя друг друга. К ним уже спешил Рурк, а позади, за клубами пыли, высилась фигура ректора в черном плаще с бордовой каймой.

Я тоже побежала быстрее, догоняя Миранду. У ректора, выходит, есть невеста, а еще – запасной плащ, что не может не радовать.

***

– Совсем озверели? – выплюнул Рурк, держа за шкуру молодого парня с расквашенным носом.

– Пусть этот, – второй, с подбитым глазом и светлыми волосами, измаранными грязью, кивнул на противника, – ва-

лит назад в свою деревню.

Родерик шагнул вперед и все умолкли.

– В академии хаоса нет городских и деревенских, – сказал он. – Рядом с вами – будущие патрульные, такие же, как и вы. Те люди, которым вы будете доверять свою жизнь.

– Я этому дрыщу и портки не доверю, – рыкнул парень, вытирая тыльной стороной ладони разбитый нос.

– Портки... – скривился тот в ответ и сплюнул кровью в пыль. – Где и слово такое выкопал, деревня?

– Ты, – Родерик кивнул на блондина с фингалом, – на кухню. Три дня. Скажешь Лизбет, что я прислал. И никаких бытовых заклинаний. А ты, – он задумался, глядя на парня, а тот, скинув руку Рурка, выпрямился и набычился, не отводя взгляда. Здоровенный, но нескладный, точно щенок, еще не выросший в зрелого пса. Или волка. Карие глаза слегка светились, как у дикого зверя. Странно. И нехорошо.

– С этим я сам разберусь, – встрял Рурк. – Иди пока, приведи себя в порядок.

Он хлопнул парня по плечу и тот побрел к домикам преподавателей, стоящим в отдалении от общежития. Еще одна странность.

– Что стали? Пять кругов на стадионе. К девчонкам не лезть, – приказал Рурк и, дождавшись, пока площадка опустеет, повернулся к Родерику. – Новенький. Привезли на канникулах.

– Чего так поздно?

– Спонтанное проявление хаоса. Анимаг. – он помолчал. –
Метаморф. Деревня на отшибе, храмовники с оком туда не
доехали, вот и пропустили. На него напали волки, защищал-
ся, выпил слишком много.

– Значит, метаморф. Он обернулся?

Рурк кивнул, пнул ногой мяч, и тот откатился к краю пло-
щадки.

– Ясно, – Родерик задумался. – Родных, я так понимаю,
нет. Если он анимаг с таким потенциалом, то наверняка вы-
пил их еще в детстве.

– Сирота, – подтвердил Рурк. – Но сестра живая. Он вез
ее к доктору.

– И денег на запечатывание тоже нет. Я могу подписать
необходимость...

– Какое запечатывание? – возмутился Рурк так яростно,
что с сосен, растущих у площадки, испуганно сорвалась во-
ронья стая и, каркая, закружилась в небе. – Ему в волка об-
ратиться, что тебе штаны надеть. Ты такое видел когда-ни-
будь?

– А то, – хмыкнул Родерик. – Не в волка, правда, а в мед-
ведя. Я с тобой двенадцать раз ходил за Стену.

– Жаль, что в этот раз без тебя пойдем, – вздохнул Рурк.
Его могучие плечи приподнялись и опустились. – Твоя ры-
жая ничего.

– Она не моя, – ответил Родерик с неохотой. – Она меня
и знать не хочет. Я ее выцепил из-под венца, куда она шла с

каким-то запечатанным.

– Стерпится – слюбится, – философски заметил Рурк.

– Пусть сначала пройдет Лабиринт. А там посмотрим. И этот парнишка. Новенький. Как его...

– Джафри Хогер. Джаф.

– Присмотри за ним. Усиленные тренировки, нагрузка по полной. Надо взять хаос под контроль, чтобы не вышло беды. Я тоже им займусь. Данные отличные, но как-то все быстро...

– Ему надо пройти Лабиринт как можно скорее, – кивнул Рурк. – Пока хаос не взял верх.

– А как тебе девушки? – спросил Родерик, щурясь.

Рыжая уже стояла около трех парней и теребила кончик косы. Если б знать наверняка, что станет стихийницей огня, женился бы и запер, а так только и остается смотреть, как потенциальная госпожа Адалхард наставляет ему рога.

– Девушки мне нравятся, – хохотнул Рурк, почесав подбородок. – Твоя рыженькая не носит лифчик, кстати.

– Она не моя, – устало повторил Родерик.

– Вон та брюнетка, мелкая, как воробышек, вызывает большие опасения. Ты же знаешь, хаосу нужна крепкая оболочка, а у нее косточки как у птички.

– Сильный дух куда важнее.

– Сильный дух там у блондинки. Такая первостатейная стерва, – ухмыльнулся Рурк. – Пришлось пригрозить, что я на ней женюсь, если не будет слушаться.

– С козырей зашел.

– А то! Побежала по кругу как миленькая. И четвертая...

– Арнелла Алетт.

– Знаешь ее имя? – слегка удивился Рурк. – Милая девочка. Странно, что еще не сидит дома запечатанная и с животом.

Он обернулся на вызывающе громкий смех Миранды, рядом с которой стояло уже пятеро.

– Ладно, пойду я, – сказал Рурк. – Разгоню этих шалопаев.

Родерик проследил за ним взглядом, не спеша уходить. Рурк прикрикнул на парней, и те гуськом пошли по дорожке, высоко поднимая колени. Пар шел от разгоряченных тел, вырывался изо ртов. Миранда глянула в его сторону и, скривившись, демонстративно отвернулась. Арнелла Алетт тоже старательно избегала смотреть на него.

Он взял ее дело в деканате. Сам толком не зная – зачем. Неясно, откуда в ней хаос, но это не первый случай и не последний. Кого-то пропустили, вот как чуть не вышло с Джафмом, кто-то заполучил ребенка на стороне, так что концов не найдешь. Судя по госпоже Алетт, это вполне реальный вариант.

Летающий конверт он заметил издали, приняв сначала за птичку. Тот сделал несколько кругов и опустился в протянутую ладонь. Обычно магией воздуха не пользуются для такой ерунды, стараясь экономить, но здесь, в академии, никто ей не вел учета.

«Срочно в приемную. Разгневанная мать жаждет твоей крови. Кармелла Алетт – знаешь такую?»

Легка на помине. Смяв записку и спрятав ее в карман брюк, Родерик направился в учебный корпус.

***

– Это недопустимо! – горячилась Кармелла Алетт, и ее золотые локоны, завитые пружинками, вздрагивали. – У девочки десятки брачных предложений, одно другого лучше, а вы не хотите подписать какую-то бумажку!

– Я не подписываю важные документы, – соврала Беата Флоран. Она отлично подделывала подпись ректора и постоянно этим занималась, чтобы не отвлекать его ерундой. Однако отчисление студентки пустяком не считалось. – Для начала нам надо заявление Арнеллы Алетт.

– Я ее законный представитель!

– Однако такое решение вправе принять лишь она сама, – сказал Родерик, вход в приемную. – Рад снова видеть вас, Кармелла.

– Ах, вот и вы, – она расплылась в очаровательной улыбке, стрельнула в него синими глазками. – Я тоже очень рада видеть вас, господин Адалхард. Помогите мне уладить маленькое недоразумение.

– Кажется, я уже понял, о чем речь, – кивнул он, подставляя даме локоть и уводя ее из приемной. Беата за спиной госпожи Алетт демонстративно закатила глаза и сунула два пальца в рот, сделав вид, что ее тошнит. Это была серьезная

заявка, если учесть, что Беата Флоран может съесть живую мышь, не моргнув при этом и глазом. – Вы хотите, чтобы Арнеллу отчислили. Но ведь она так талантлива! Неужели вам не хочется раскрыть ее потенциал?

Отчего-то мелькнула мысль, что уж он бы раскрыл ее полностью. Было бы куда приятнее, если бы магия огня текла в теле Арнеллы Алетт. Таким стройным, нежным, с красивыми круглыми грудками, длинными ногами и теплой кожей... Но нет, ему досталась Миранда Корвена. Которая тоже хороша, но от нее лишь мороз по коже.

– Поймите, моя Арнелла не создана для всего этого, – Кармелла вынула из сумочки платочек, взмахнула им в сторону окна, где на горизонте траурной каемкой тянулась Стена. – Она такая милая, домашняя девочка, – платочек прижался к абсолютно сухим глазам. – Пусть выйдет замуж, родит детей, живет в спокойствии и мире, обожаемая мужем...

– А она обожает этого самого мужа? – спросил он.

– Любовь как цветок, в руках умелого садовника расцветет, – отрезала она.

– И кто садовник? – поинтересовался Родерик, чувствуя непонятное раздражение.

– О, весьма солидный господин, успешный человек, запечатанный маг. Он будет носить Арнеллу на руках. Это уже решенный вопрос, – она суетливо вынула из сумочки бумагу и протянула Родерику. Императорскую печать он узнал сразу. – Согласие на брак.

– Вот как, – вздохнул он, не спеша брать письмо. Его содержание и так известно. Сам взял императорское одобрение на брак с Мирандой. Только пока не давал ему ход. – Однако если студентка успешно проходит обучение, мы не можем ее принудить оставить академию.

– Так выгоните ее! – вспыхнула злостью Кармелла. – Что вам стоит не поставить зачет? Завалить на экзамене? Не принять какие-нибудь контрольные, я не знаю...

– Однако сессия уже закончилась, и Арнелла справилась с ней блестяще.

Зачет, который она сдала ему лично, он никогда не забудет.

Кармелла посопела и аккуратно положила бумагу назад в сумочку.

– Что ж, – протянула она. – Однако, перед Лабиринтом будет еще одна сессия. Ведь так?

– Вы этого боитесь? – быстро спросил он. – Вы знаете, какая у нее наследственность? Откуда в ней хаос, Кармелла?

– Ничего я не знаю, – ответила она, легкомысленно улыбаясь, и для пущей убедительности похлопала подкрашенными ресницами. Играть дурочку у нее не получалось – слишком много стали во взгляде. – Но посудите сами: после Лабиринта запечатывание проходит куда сложнее. И даже если оставить магию, то что ждет мою девочку дальше? Патруль? Стена? Как мать, я хочу ей лишь добра. Замужество сделает ее счастливой. А все эти стихии – лишь гордыня. Попытка

приблизиться к тому, что скрыто от человека и должно оставаться таким.

– Ладно, – прервал ее Родерик, которому совсем не хотелось вступать в пустые дискуссии о природе хаоса. – Сделаем так. Если ваша дочь не сдаст сессию и покажет себя непригодной для магии, я подпишу приказ о ее отчислении. До Лабиринта. Но если она справится и изъявит желание остаться...

– Тогда мы с вами встретимся еще раз, – сладко улыбнулась Кармелла Алетт, но ее глаза полоснули не хуже ножа. – Я умею добиваться своего, мастер Адалхард.

– Мама? – голос Арнеллы, растерянный, как у ребенка, прервал их разговор, и Кармелла быстро обернулась.

– Милая, – она пошла навстречу дочери, раскинув руки, но Арнелла, растрепанная после спортивных занятий, в сером спортивном костюме, заляпанном на щиколотках грязью, смотрела на Родерика, и в ее взгляде читалась неприкрытая обида.

– Я не сказал ничего такого, чего бы вы не знали, – произнес он, чувствуя себя странно уязвленным. – Если не сдадите экзамены, в Лабиринт вас не пустят. Только и всего. Однако я уверен, что если вы постараетесь...

– Ах, бросьте пустое, – Кармелла Алетт схватила дочь за руку и потащила по коридору. – Солнышко мое, ты не должна была так уезжать. Оставила записку, сбежала, что я должна была думать?

Арнелла с силой высвободила свою руку и демонстративно отстранилась от матери. Они пошли прочь, и Кармелла что-то говорила дочери, а Родерик с раздражением отвернулся к окну.

Стена тянулась черной лентой от самых гор и до побережья. Он провел двенадцать охот, и теперь, по правилам, может пропустить три. Но почти никто из патрульных не пользуется этим правом без особой нужды. Но в том и дело, что нужда у него была. И еще какая. Уже пошли слухи, пока неуверенные, робкие, но скоро во всей академии узнают, что ректор больше не маг.

Если он не получит свой огонь, то ему останется лишь запечататься. Но лучше уж вовсе умереть.

Глава 7. Полетели

– Я так зла на тебя, Арнелла! – сходу принялась нападать мама. – Ты поступила так глупо, как будто у тебя вдруг снова начался переходный возраст. Ты взрослая девушка и должна понимать, что время игр давно позади.

Я выучила ее тактику ведения споров очень давно. Сначала атака. А теперь она примется давить на жалость и попытается воззвать к чувству вины.

– Я так испугалась, когда не обнаружила тебя дома, – мама всхлипнула, а ее нижняя губа очень правдоподобно задрожала. – Ты – все, что у меня есть. И разве я виновата, что хочу позаботиться о тебе? Я люблю тебя больше всего на свете, солнышко!

Я лишь вздохнула, быстро шагая по коридорам академии. Однако мама не отставала, несмотря на то, что на ней были туфли на каблуках, а на мне – спортивные ботинки. Перейти на бег? Боюсь, Кармеллу Алетт это не остановит, ведь впереди еще этап примирения, когда мама выдвинет условия, на которых согласится меня простить.

– Я так скучала по тебе, доченька, так ждала твоих каникул. Мне было очень одиноко в незнакомом городе!

– Как там свидание с Энцо? – поинтересовалась я невзначай.

– О, прекрасно, – оживилась мама. – Видела бы ты, какие

цветы он мне шлет! Но гораздо больше меня заботит твое счастье, – спохватилась она, вернув голосу прежний трагический тон.

Мы вышли из академии, и я повернула к общежитию. Занятия закончились, и студенты разбрелись кто куда. Краем глаза я заметила Ровену, спешащую в библиотеку. Даже странно, что она проявляет рвение к учебе. Перед ней и так все дороги открыты.

– У меня все прекрасно, мама, – ответила я. – Меня перевели на второй семестр, стипендию должны были перечислить на счет.

– Да, все в порядке, деньги пришли, – подтвердила она. – Однако...

Я остановилась и повернулась к ней.

– Это моя жизнь, – сказала я. – Не твоя. Это мне решать, как ее прожить. Я тоже очень тебя люблю, но не стану выходить за кого бы ты там ни выбрала.

– Сначала посмотри, – деловито проворчала она, расстегивая сумочку. – Ты слишком рано уехала. Несколько писем доставили лишь следующим утром. Это просто шикарный вариант. Ты не танцевала с ним, но я обратила внимание, как он на тебя смотрел. Тридцать лет, брюнет, не красавец, но вполне приятный на вид... – она торопливо достала конверт и распечатала его. Иллюзорный и приятный на вид брюнет вырос прямо посреди дорожки.

Я покачала головой и пошла дальше.

– Посмотри, какая милая, застенчивая улыбка! – выкрикнула мама, не желая расставаться с женихом. – Я прекрасно знаю этот типаж, он очень похож на твоего отца. Ты сможешь веревки из него вить!

– Вот и забирай его себе и вей!

– Кому я нужна, – пожаловалась она, догнав меня. Мы что, идем на второй круг жалоб? – Даже собственная дочь бросила меня, не попрощавшись.

– Прощай, мама, – сказала я, входя в общежитие.

Расчет мой был простым: намаявшись с дисциплиной, комендант женского общежития установила строгие правила доступа. Если ты тут не живешь, то в дверь пройти не сумеешь. Мама позади охнула, и я, не удержавшись, быстро оглянулась. Она нахмурилась и, выставив руки, ощупывала невидимую преграду.

– Я буду тебе писать, – пообещала я, все же почувствовав легкий укол вины. – Может, приеду как-нибудь на выходные...

– Мы еще не договорили, – пригрозила она, сдувая с глаз упавшую прядь. – Арнелла, ты не можешь выставить мать за дверь, как какую-то побирושку! Я рожала тебя в муках!

– Мне очень жаль, если я доставила тебе неудобства, мама, – сказала я и пошла по лестнице вверх.

Крики неслись мне в спину, но вскоре затихли. Хоть бы она отстала! Мысленно помолившись всем богам, я поднялась в свою комнату. Учебник по бытовой магии за первый

семестр лежал открытым на столе. После того раза, когда пылефер получилса будто сам собой, мне так и не удалось повторить свой успех. Однако на вводной лекции по основам магии говорили, что до прохождения лабиринта такие взбрыки хаоса нормальны. Потом в моем теле появится четкий магический контур, и хаос потечет ровным потоком.

Мама наверняка снова пошла к ректору. А ведь если он только захочет, то кто-нибудь из преподавателей не поставит мне зачет. И ради чего тогда я корплю над учебниками? Если потом мне все равно придется идти под венец с приятным на вид брюнетом, которого я толком и не рассмотрела.

Громкий стук в дверь заставил меня подпрыгнуть на месте.

– Арнелла! – выкрикнула мама. – Открывай сейчас же! – Она добавила в сторону: – Я надеюсь, у вас есть ключи?

Она снова стукнула кулаком в дверь, следом послышалось бормотание и приглушенный звон металла, словно бы от связки ключей. О нет! Мама сумела найти коменданта и убедить пропустить ее ко мне.

Я вскочила и заметалась по комнате. Если бы только плащ ректора был плащом-невидимкой...

– Арнелла, открывай. Нам надо серьезно поговорить. Сам император подписал разрешение на твой брак! Ты надеешься сбежать и от императора?

А вот это она зря: запугивание никогда на меня не действовало. Что-то в моей душе требовало немедленно посту-

пить наперекор. Сбежать? Прекрасно! Я открыла окно и забралась на подоконник. Ветер ударил в лицо, встрепал волосы и взметнул юбку. Может, однажды я стану воздушницей, но сейчас мне была нужна опора понадежней.

К счастью, архитектор снабдил женское общежитие всевозможными карнизами, изящными нимфами, вырастающими из фасада, и прочими излишествами, которые сейчас оказались очень кстати. Перебравшись через подоконник и стараясь не смотреть вниз, я медленно пошла по широкому карнизу влево – к балкону, через который можно выйти на лестницу.

Всего-то шагов двадцать, не больше, однако, отпустив подоконник и схватившись за мраморную руку нимфы, я зажмурилась, уговаривая себя сделать еще шагок. Дверь в комнате с грохотом распахнулась.

– Арнелла! Ты что, решила поиграть в прятки? – раздался голос мамы. – Не надеешься же ты спрятаться в этой комнатушке? Послушайте, в каких ужасных условиях живут будущие маги, гордость империи! А это покрывало! Оно абсолютно диссонирует с остальной обстановкой. Какой ужасный оттенок! Арнелла! Выходи и не позорь меня.

Я сделала еще несколько шагов, прижимаясь всем телом к стене общежития, нагретой солнцем. Глянула вниз, и едва не заплакала от ужаса. Дорожка, по которой мы только что шли, казалась траурной лентой. Вот такую мне и повяжут на букет на могилку. Иллюзия жениха переливалась краска-

ми, как мыльный пузырь. Если я отсюда свалюсь, то вся надежда, что до целителей – рукой подать. Порыв ветра ударил сильнее, и я вжалась в камни, как ящерица. Мраморная рука закончилась, и следующая нимфа стояла спиной, выставив роскошную пятую точку.

Надо обогнуть попу. Я облизала губы и снова посмотрела вниз. Мое бегство не осталось незамеченным: несколько парней глазели на меня, задрав головы.

Мама стучала дверями шкафа, ругалась, потом расчихалась – верно, решила заглянуть в камин. Попа нимфы торчала непреодолимой преградой. Собравшись с духом, я протянула руку влево, схватилась за выступ. Или лучше вернуться?

– Не надо, – произнес кто-то совсем рядом, и от неожиданности я дернулась, нога соскользнула, я взвизгнула, но не успела толком испугаться, как оказалась в уверенных сильных объятиях.

– Мы летим! – воскликнула я, рефлексивно обхватив парня за шею.

– Это магия, – улыбнулся он и развернулся вместе со мной в воздухе. – Как тебя зовут?

– Арнелла, – выдохнула я, – можно Арья.

Так зовут меня друзья, а этого парня, спасшего мне жизнь, наверняка можно считать другом. Золотые волосы, голубые глаза, воздушник, конечно, но одет не в форму. А его улыбка в сто раз милее чем у того жениха, иллюзия которого уже

наверняка рассеялась.

– Кевин, – представился он, как будто нет ничего необычного в том, чтобы знакомиться вот так, на лету. – Ты спешишь, Арнелла?

Я помотала головой, прижимаясь к его груди и чувствуя спокойное и ровное биение сердца.

– Тогда я, кажется, знаю одно место, где тебе понравится. Он снова улыбнулся и полетел со мною вместе, и я даже не смотрела – куда, не в силах оторвать взгляд от его лица.

***

Кевин опустился так плавно, что я даже не почувствовала толчка. И лишь когда он поставил меня на землю, разжала руки с долей сожаления. Это было так восхитительно: чувство полета, ветер в волосах, объятия...

– Как тебе? – поинтересовался Кевин, осматриваясь. – Я люблю здесь бывать.

Мы очутились на крыше академии, в самом центре звезды, что расходилась в стороны шестью лучами. Каждое крыло академии было оформлено в своем стиле, но здесь, наверху, все они были одинаковыми.

– Очень красиво, – честно ответила я, глядя на парня.

– Итак, Арнелла, – Кевин сел на край крыши, выходящей в сторону, где вдали блестело море, и свесил ноги, – что ты делала на карнизе женского общежития?

Я осторожно присела чуть позади, держась подальше от края.

– Убегала от мамы, – вздохнула я.

Раздражение и злость схлынули, и на их место пришло понимание того, как глупо я поступила. Я ведь могла разбиться. Если бы не Кевин.

– Мне это знакомо, – он не стал насмеяться и понятливо улыбнулся. – Моя мать тоже та еще мегера. Дай угадаю, она забракковала всех твоих женихов? И поэтому ты все еще в академии? Уверен, тебя осыпали сотнями предложений.

– Моя мама была бы счастлива, если бы я приняла одно из них, – ответила я, польщенная его предположением. – Она боится Лабиринта.

– Вот как? – удивился он. – Выходит, это ты не хочешь замуж?

– Не то чтобы не хочу, – ответила я. – Хочу, наверное. Но не так.

– Ты уже в кого-то влюблена? – Кевин бросил на меня пытливый взгляд.

– Нет, – ответила я. – В том-то и дело.

Он кивнул, и я, почувствовав наконец поддержку, на одном дыхании выпалила:

– Почему мужчин не заставляют запечатываться? Почему женщины лишь средство для воспроизводства других магов? Почему нас считают такими слабыми?

– Напротив, – спокойно ответил Кевин, вновь поворачиваясь к морю и жмурясь от солнца, к которому протянула лапу сизая туча. – В том-то и соль, что женщины-маги очень

сильны. В женщинах обычно куда больше хаоса, и удержать его сложнее. Ты ведь знаешь, что за Стеной?

– Хаос, – ответила я. – Ты уже был там?

Кевин кивнул, и его лицо омрачилось.

– Наш мир упорядочен и живет по своим законам, которых в хаосе вовсе нет, – сказал он. – Там все не так. И это сотворила женщина. Она сражалась плечом к плечу со своим любимым, и когда он погиб, выплеснула всю свою ярость и боль. Все, на что была способна. Она сожгла саму ткань мироздания.

– Она была огневичкой? – отчего-то шепотом спросила я.

– Да. Правда, что у вас на потоке есть девушка с наследственностью огня? – с любопытством спросил Кевин, поворачиваясь ко мне.

– Правда, – ответила я.

– Но их же сразу запечатывают.

– Она нужна ректору.

– Странно, – задумался Кевин. – Видимо, это приказ императора. Огневиков все меньше, и мастеру Адалхарду решили подобрать жену наверняка. Ты бы видела, как он владеет огнем! Самый сильный маг из всех, что я знаю. Его посох раскаляется, и дракон, что украшает вершину, извергает пламя как живой. Огненный вихрь, огненный дождь, стена огня – все заклинания, которые только существуют, удаются ему как никому другому.

Я опустила ресницы, пытаюсь скрыть раздражение. Вот о

чем мне точно не хотелось говорить, так это о магическом потенциале ректора.

– Как он швыряет огненными шарами в тварей хаоса, – не унимался Кевин. Взмахнув руками, сделал несколько пассов в сторону моря.

– А они страшные?

Дожилась: даже тварей хаоса мне обсуждать приятнее, чем мастера Адалхарда.

– Симпатичными их не назовешь, – усмехнулся Кевин. – Но не бойся, за стену они не сунутся. Так что ты никогда их не увидишь.

– Если я пройду лабиринт и потом закончу академию, то увижу, – упрямо возразила я.

– Я бы скорее поставил на то, что еще до лабиринта ты влюбишься и запечатаешься, и пойдешь под венец с каким-нибудь счастливчиком, – усмехнулся он.

– А в лабиринте тварей не будет? Там ведь тоже... хаос.

– Нет, – покачал он головой, и его светлые пряди рассыпались по плечам. Туча дотянулась до солнечного диска, спав его. Сразу стемнело, и волосы Кевина стали пепельно-белыми. – Сама подумай, кто бы пустил первокурсников, не обученных толком ничему, к тварям хаоса. Да они бы вас разорвали, как котят!

Я промолчала. Внизу сновали люди, крыша женского общежития в надвигающихся сумерках окрасилась сиреневым. Кажется, я видела золотые локоны мамы, мелькнувшие в ок-

не. Неужели она все еще меня ищет?

– Как думаешь, какая у меня магия? – спросила я.

– Я бы поставил на то, что ты воздушница, Арнелла, – предположил Кевин. – С тобой было очень легко лететь, как будто воздух – и твоя родная стихия.

– Думаешь? – с сомнением произнесла я, глянув на его широкие плечи и крепкие руки. – Просто ты очень сильный... маг...

– На самом деле, не очень, – не стал хвастаться Кевин. – У меня средний потенциал.

– Но тебя брали за Стену!

– Не в патруль, только на первый пост. Но в этом году будет моя первая Охота, – Кевин произнес это почти с предвкушением, и я поежилась. – Тебе холодно?

– Нет, – ответила я, – все прекрасно.

– Наверное, надо вернуть тебя назад? – спросил он. – Пока не продуло. Это я привычный к ветрам.

Кевин поднялся, и мне пришлось тоже встать. Я, немного смущаясь, обвила руками его шею.

– Боишься?

В его глазах словно бы светилось небо.

– Лететь с тобой? Нет, – покачала я головой. – А вот выслушивать мамины упреки...

– Если тебе не хватает смелости и на это, то как ты собираешься пройти Лабиринт? – справедливо подметил он, легко беря меня на руки.

Я прижалась к нему крепче, и вскоре мы взмыли над крышей и полетели над территорией академии. Туча быстро приближалась, в сизом брюхе мелькали короткие всполохи молний, но я и правда не боялась. Может, воздух действительно моя стихия? Или вся магия – в Кевине?

Он опустил меня у входа в женское общежитие и аккуратно поставил меня на землю.

– Может, еще как-нибудь летаем, Арнелла, – предложил он, а я только кивнула, глупо улыбнувшись.

– Спасибо! – запоздало выкрикнула я ему вслед, и Кевин, обернувшись, помахал мне рукой.

В душе было так тепло, словно в моем сердце поселился кусочек солнца. Хотелось улыбаться непонятно чему, или взлететь, как птица. Я взмахнула руками, но, конечно, не оторвалась от земли ни на чуть-чуть.

– Это было впечатляюще, – произнес кто-то позади меня, и я, обернувшись, увидела Миранду. Она спустилась по ступеням и остановилась рядом со мной. – Твоя мать все еще орет там наверху.

– О нет, – вздохнула я.

– Она собирается идти жаловаться к ректору.

Я бросила трусливый взгляд в открытые двери.

– Как насчет поужинать? – предложила Миранда. – Я считаю, что выслушивать эти вопли лучше на сытый желудок.

– Пойдем, – охотно согласилась я.

Глава 8. Чужие цветы

– Так что, ты с воздушником? – спросила Миранда, оторвавшись от тарелки с супом.

Аппетит у нее оказался хорошим. Следом за супом она подвинула к себе тарелку с горкой каши и котлетой.

– Нет, ничего такого, – ответила я, ковыряясь в салате.

Мне кусок в горло не лез. Я была доверху наполнена впечатлениями.

– Но он симпатичный.

Я кивнула, с опаской глянув на Миранду.

– Чужого не беру, – сразу сказала она. – К тому же такой родни мне и даром не надо.

– Какой-такой родни? – не поняла я.

– Это же старший брат нашего Тамбурина!

– Кого?

– Ровены Тиберлон. Древний род воздушников, ведущий свое начало от... О'Хас не дал дослушать.

– Я не знала...

Что делать с этой информацией, я пока не понимала. Впрочем, мы ведь только познакомились, и Кевин спас меня от падения, и потом мы вместе летали, и болтали на крыше, и он сказал, что еще до лабиринта я влюблюсь...

– Так что хорошенько подумай, стоит ли этот блондин того, чтобы навеки породниться с Ровеной. Видеть ее на каж-

дом семейном празднике, бррр, – Миранда передернула плечами и принялась за кашу.

– А ты, значит, хотела запечататься, но ректор вынудил тебя пойти в академию? – спросила я, решив перевести тему.

– Вроде того, – вздохнула Миранда. – Я надеялась, что после первого курса меня выгонят и признают негодной, но, похоже, моя тактика провалилась. Все преподаватели как один поставили мне зачеты, хотя я не отвечала вообще ничего. А в преподшу по бытовой магии даже плюнула.

– Ужас, – искренне возмутилась я.

– Она хотела, чтобы я показала ей заклинание поломойки, – пояснила Миранда. – Я сделала, что могла. И что бы ты думала? Меня отчислили? Вызвали на ковер? Отправили на пересдачу? Нет, я получила зачет и укоризненный взгляд. И все из-за этого говнюка с перебитой бровью.

Я едва не подавилась салатом.

– Миранда, – произнесла я, запив салат соком, – прости мою бестактность... Но на балу, когда тебя представляли, прозвучала фраза, что у тебя проблемы с деторождением. Если император и ректор хотят больше магов огня, то как-то неразумно рассчитывать на потомство от девушки, у которой с этим проблемы.

– У меня нет женских периодов, – с обескураживающей прямоотой сказала Миранда. – Говорят, это из-за хаоса, и после Лабиринта все исправится.

– Значит, тебе и правда надо туда, в лабиринт.

– Я не думала о детях, – сказала она. – Вернее, я хотела их, гипотетически, от своего жениха. Первого, не ректора. Но теперь я вообще ничего не хочу. Разве что и вправду за-получить огонь и спалить тут все дотла. Устроить еще одно сердце хаоса прямо в академии, – она рассмеялась, и смех ее был колючим, как мороз, пробирающий до костей.

– Но, послушай, – я отодвинула салат, и Миранда тут же забрала его себе. – Если ты пройдешь лабиринт, и потом будешь хорошо учиться, то тебя не смогут заставить выйти замуж. Это не по правилам. Я, в общем-то, осталась здесь именно поэтому. Я хочу сама выбрать свой путь. Выйти замуж или остаться свободной, как Джемма...

– Как та шлюха, что спит с ректором? – деловито уточнила Миранда. – Не смотри на меня так, я не вру. Я провела свое расследование, и теперь все о нем знаю.

– Хоть бы и как та шлюха, – не стала я спорить. – Она маг, патрульный, мастер хаоса. Даже если она переспит с Беатой Флоран, ей и слова никто не скажет.

– Тут ты права, – кивнула она, но вновь помрачнела. – Но, уверена, как только я получу огонь, ректор придумает какой-нибудь повод, чтобы меня отчислить, и тут же потащит под венец. Может, мне его убить?

Я вздрогнула и ошарашенно посмотрела на Миранду, которая невозмутимо жевала котлету.

– Поможешь мне? – заговорщицки прошептала она.

– Нет! – воскликнула я. – Конечно, нет!

Она вздохнула.

– Никто тебя не отчислит, если не будет веского повода, – торопливо сказала я. – Ты вообще ходила на основы магии?

– Пару раз, – пожала она плечами. – Или нет, вроде один всего. И угадай что? Мне поставили зачет автоматом.

– Магам нельзя поступать против совести. Чтобы удерживать хаос, нужно жить по законам, – пробубнила я, чувствуя себя нудной заучкой.

– И все эти преподаватели, когда ставили мне зачеты, поступали по совести, как считаешь?

– Наверное, они думали, что помогают ректору и видели в том справедливость. Но если ты станешь одной из них, равней, то с тобой тоже придется считаться, – не сдавалась я.

– Ладно, – вздохнула Миранда. – Пока я не получила огонь, говорить не о чем. Вдруг у меня будет другая магия, и ректор отстанет. Ну что, готова к встрече с мамочкой?

– Не очень, – призналась я.

– А хочешь, переночуй в моей комнате, – предложила она вдруг.

– А ты?

– Я обычно сплю в другом месте, – многозначительно улыбнулась Миранда, откинув рыжую прядь за плечо, и я не стала уточнять – в каком, чувствуя, что и так покраснела.

***

Комната Миранды была очень похожей на мою, и в то же время – совершенно другой. Кровать у стены, стол у окна,

выходящего на большие деревья, на стене – портрет ректора: глаза выцарапаны, а из груди торчит кинжал с костяной рукояткой.

– Ты любила своего жениха? – спросила я и тут же уточнила: – Первого.

– Да, – ответила Миранда. – Но больше не люблю. Я удрала из академии через месяц, вернулась домой и узнала, что он уже помолвлен с другой.

– Мне жаль, – искренне посочувствовала я, рассматривая стены с ободранными обоями. Одна стена обуглилась, как будто ее пытались поджечь.

– А мне нет, – пожала она плечами и осмотрелась. – Белье свежее, я на нем ни разу не спала, в шкафу есть чистые полотенца и рубашка.

– Спасибо, – я присела на край кровати. – У тебя... своеобразно. Откуда портрет?

– Сперла из секретариата, – улыбнулась Миранда. – Что-нибудь еще нужно? Книжки, теплое молоко, сказка перед сном?

– А ты расскажешь? – с иронией произнесла я.

– Все будет хорошо, – мрачно произнесла Миранда. – Все девочки однажды встретят свою любовь и проживут с ней в счастье и радости до конца своих дней. Вот и сказочка. Ложись спать, Арнелла.

Она ушла, захлопнув за собой дверь, а я, подумав, закрыла ее на засов.

По лестнице за стеной кто-то быстро прошел, громко цокая каблуками, и я по звуку шагов узнала маму. Наверное, это плохо с моей стороны. Ведь она и правда думает, что поступает, как лучше. Она мой единственный родной человек, а я – ее. Но мы не одно целое, как бы ей того ни хотелось.

Я приняла душ, к счастью, без портретов ректора или потеков крови на стенах, надела чистую рубашку и нырнула в постель, пахнущую мылом. За окном шумели деревья, а после на подоконник упали первые капли. Туча наконец доползла до академии и накрыла ее целиком. Ливень зашумел, убаюкивая монотонной песней, и мои глаза сами сомкнулись.

Во сне я летела к солнцу, раскинув руки, как птица крылья, и радуга внизу замыкалась в круг, словно разноцветная дорога, собранная в кольцо. А потом она распалась на отдельные ленты, и я заметалась в воздухе, не зная, куда лететь. Зеленая – это анимагия, синяя – вода, фиолетовая – некромантия, красная дорога пылала огнем. Я повернула к голубой ленте воздушников, но порыв ветра закружил меня, сбил, снося в другую сторону – к желтой дороге, яркой, как глаза путника, которого я встретила в таверне...

Я проснулась и вскрикнула, увидев прямо перед собой прозрачное женское лицо.

– Шшш, спи-усни, – прошелестел призрак, поднимаясь к потолку, – спи, Арнелла Алетт, сладких снов.

Я рывком села в постели, поджав колени к груди. В ком-

нате стало холодно и сыро, как в могиле.

– Что это было? – прошептала я.

Уже светало, и я смогла разглядеть и обгорелые обои, и портрет Родерика Адалхарда с выколотыми глазами, и об-
лачко пара, которое просочилось через потолок и исчезло,
как и не бывало.

Я медленно сползла пониже, накрылась до самых глаз, но
толком уснуть больше не смогла. Обрывки снов и мыслей
путались в голове, я засыпала и прохватывалась от дремоты,
и когда в дверь постучали, была даже рада.

– Миранда? Ты вернулась? – Я подбежала к двери, ото-
двинула засов и открыла.

– Арнелла Алетт? – бровь, перечеркнутая шрамом, при-
поднялась.

– Мастер Адалхард, – выдохнула я, запахивая плотнее ру-
башку.

– Это становится доброй традицией, – отметил ректор,
окидывая взглядом мой наряд, – встречать вас полуголой. Я,
в общем, не против.

Он всучил мне букет цветов и вошел в комнату.

– Где Миранда?

– Ее здесь нет, – я схватила со стула покрывало и наки-
нула его на плечи. Букет мешал, и шелковая ткань норовила
сползти, однако я кое-как прикрылась.

– Вижу. Я спрашивал – где она? – голос его прозвучал

резко, и я фыркнула.

Ревнует.

– Разве студентки должны докладывать ректору, где они ночуют?

– Пожалуй, я введу такое правило, – заявил он, повернувшись ко мне. Взгляд пепельных глаз скользнул по покрывалу. – Ваша мать мне все мозги вынесла по поводу того, что ее дочь пропала...

– Плохо, наверное, без мозгов, – нахально ответила я.

Он пристально посмотрел на меня, но я, похоже, набралась смелости у Миранды.

– Что вы себе позволяете? – подбоченившись, спросила я. – Сначала рушите девушке жизнь... Это я о Миранде, – торопливо уточнила я. – За то, что вы позволили мне продолжить обучение, я очень благодарна. Потом являетесь к ней ни свет ни заря с этими чахлыми цветочками и думаете, что она вас простит?

– Это чарники, – ответил ректор. – Их красоту можно увидеть лишь на рассвете.

Нежные розовые бутоны вдруг вспыхнули, разом раскрылись, обнажая золотые сердцевинки, и волна чарующего аромата обдала мое лицо.

Ахнув, я склонилась к букету, чтобы не пропустить такое чудо.

– Я передам Миранде, что это было просто восхитительно!

Мастер Адалхард остановился перед собственным портретом и тяжело вздохнул.

– Я, конечно, догадывался, что она меня недолюбливает...

– Вы сами виноваты, – проворчала я, не в силах оторвать взгляд от букета. Теперь цветы стали сочно красными и пахли клубникой.

– А вы с ней, выходит, подруги, – обернувшись, оживился он.

– Я не стану вас выгораживать, – сразу ответила я. – Зачем вам Миранда? Неужели обязательно жениться на огневичке? Разве не лучше связать жизнь с... той, кого вы любите, – имя Джеммы Кристо едва не сорвалось с моего языка.

– Все сложно, Арнелла Алетт, – снова вздохнул он. – Иногда судьба делает выбор за нас. Я, знаете ли, тоже не в восторге от того, что приходится носить цветы женщине, которая выкалывает глаза на моем портрете. Где она его вообще взяла?

– В секретариате.

Чарники набрякли сизым, словно вчерашняя туча, и ректор забрал букет из моих рук.

– Они не живут долго, – пояснил он.

– Очень жаль, – пробормотала я, смущенная случайным прикосновением его ладоней.

– Вы очаровательны, – добавил он вдруг. – Даже в покрывале. Хотя мой плащ шел вам больше.

– Я его верну, – пообещала я.

– Не надо, – он прикоснулся к моим волосам, пропустил пряди между пальцами, и мое сердце забилось чаще.

Цветы совсем потемнели, и в комнате запахло чем-то острым и волнующим.

– А что там с мамой? – быстро спросила я, чтобы разрушить неловкую паузу, в которой как будто стало тяжелее дышать. – Уехала?

– Я приказал доставить ее в Фургарт и лично проследил за отбытием, – ответил ректор. – Ваша мать настаивала, чтобы ей выделили комнату в общежитии. Я не удивлен, что вы сиганули от нее в окно, но все же будьте осторожнее, Арнелла, берегите себя. Вы всегда можете обратиться ко мне за помощью. Я ректор академии, и это моя обязанность: помогать студентам и решать возникающие проблемы. А ваша мать – не проблема, а настоящая катастрофа. Может, вы поэтому вернулись в академию? Никто не захотел себе такую тещу?

Я набрала в грудь воздуха, чтобы возмутиться, и ректор, улыбнувшись, добавил:

– Я шучу, Арнелла. С вами мне отчего-то хочется улыбаться. Но мое предложение помощи – не шутка.

– Спасибо, – нехотя ответила я. – А что насчет того, что я слышала в коридоре? Вы обещали выгнать меня!

– Если не справитесь с хаосом, то в Лабиринт вам лучше не идти, – ответил он. – Это общие правила для всех.

– И для Миранды? – с вызовом спросила я. – Что, если она не справится? Ей поставили все зачеты, хотя она толком

и не училась.

Он промолчал, но глаза его потемнели. Чарники поникли и теперь медленно умирали в его руках. Мастер Адалхард вышел, так и не ответив, и я прикрыла за ним дверь.

Аромат волшебных цветов наполнял комнату, и его хотелось пить и смаковать. Но я принюхивалась к едва заметной нотке мужского одеколона. У ректора на шее алел короткий порез после бритья, а темные волосы слегка завивались. Он пришел к своей невесте с цветами, а застал меня. Но, кажется, он не выглядел разочарованным.

***

Родерик сбежал по лестнице и, выйдя на свежий воздух, глубоко вдохнул, приходя в чувство. Арнелла Алетт казалась такой нежной со спутанными волосами и следом от подушки на щеке, что хотелось немедленно вернуть ее в постель и самому, конечно, устроиться рядом. Или сверху. Могут быть варианты.

Он отряхнул ладони от истлевших цветов и медленно пошел по тропинке к своему дому.

Темная лошадка. Первокурсница. Очень некстати и не вовремя.

А вот Миранда, чьи рыжие волосы мелькнули только что за деревьями, ему действительно нужна. Она шла от домов, что рассыпались на зеленом холме, и это значит, что теперь она наставляет ему рога с преподавательским составом. Заметив его, Миранда словно споткнулась, но после пошла на-

встречу, будто нарочно развязно виляя бедрами.

Он перегородил ей тропинку, и девушка остановилась напротив, с вызовом посмотрев ему в глаза. Ее глаза были черными, как угли, а волосы стекали по плечам расплавленной медью. Чистая белая кожа, хорошая фигура, правильные черты. Когда она получит магию, то станет вовсе неотразимой. Миранда Адалхард. Отчего тогда он никак не может представить ее рядом с собой?

– Не спится? – поинтересовалась она. – Мне этой ночью тоже не удалось поспать.

Она ухмыльнулась и потянулась, как кошка.

Родерик рассматривал ее, словно в первый раз. Она вела себя уверенно и бойко, нарочно его провоцируя, но была, по сути, такой же девчонкой как и Арнелла, которая неожиданно сильно задела его своими словами.

Он ведь на самом деле толкает Миранду в лабиринт, не заботясь о том, что с ней будет дальше. А после того, как получит желаемое, ее огонь запечатают. И ей будет куда хуже, чем если бы это сделали сейчас.

– Давай поговорим, – предложил он. – Нам давно пора это сделать.

***

Ровена села напротив и посмотрела таким уничижительно-презрительным взглядом, как будто у меня на носу клякса, или шпинат застрял между зубами. Хотя ела я кашу и омлет, и на ее подносе стояли те же блюда.

– Ты вчера летала с Кевином, – обличающе сказала она.

Ответа ей вроде не требовалось, потому я молча жевала, ожидая продолжения.

– Тиберлон – древнейший род воздушников, ведущий начало от Айрона Белого.

Вот я наконец это и узнала. А ведь точно, был такой в учебнике по магическим родам, но я вечно в них путалась.

– Я могу перечислить всех своих предков до двадцать второго колена, и все они были магами, – продолжила Ровена, и я начала понимать, к чему она ведет. – А ты, – снова презрительный взгляд, – никто!

– Во мне тоже есть хаос, – ответила я, – такой же, как и в тебе.

Она со злостью вонзила вилку в пышный омлет, оцарапав тарелку.

– Я хочу, чтобы ты уяснила сразу, – от тона ее голоса несчастный омлет наверняка покрылся коркой льда. – Ты ему не пара.

– Это ему решать, – ответила я.

Не удивительно, что я не заметила сходства. Да, у обоих золотистые волосы, голубые глаза, тонкие черты лица и нежная кожа. Но в Кевине будто сияло солнышко, подсвечивая его изнутри. Он умел летать, и сам был легкий, как ветер. А Ровена напоминала гирию.

– Он мой брат, – заявила она, – Тиберлон. Не тешь себя надеждами, Арнелла, предупреждаю по-хорошему.

Миранда плюхнулась рядом со мной, поставив на стол поднос, полный еды: каша, сосиски, вареные яйца, булочка и джем.

– А ты однажды растолстеешь, – добавила Ровена, глянув на Миранду.

– Все сгорает в моем внутреннем огне, – ответила та и целиком умяла первую сосиску, а следом откусила сразу половину яйца. – Я думаю, ты некромант, Ровена, – промычала она с набитым ртом. – Рядом с тобой мне всегда кажется, что лучше уж помереть, чем терпеть твое занудство.

– А я вот несколько не удивлюсь, если окажется, что ты не огонь, а какой-нибудь анимаг, – ответила та. – Ешь как животное!

– Было бы круто, – кивнула Миранда.

Ровена брезгливо скривилась и, взяв поднос, демонстративно отсела за пустой стол в другом углу.

– К тебе приходил ректор, – прошептала я.

– Знаю, – Миранда сосредоточено расправлялась с кашей, и я невольно задалась вопросом – где она так проголодалась.

– Он принес тебе цветы. Чарники. Просто восхитительные! Распускаются на рассвете и такой аромат...

– Он бы еще посреди ночи приперся, – фыркнула она. – Человек, который приходит в гости на рассвете, – подлая сволочь, это я тебе точно говорю.

– Может, не стоит его винить? – робко предположила я. – Что, если он такой же заложник ситуации, как ты? Он, зна-

ешь, тоже не в восторге.

– Это немного обидно, – Миранда улыбнулась, намазывая булочку джемом.

– А ему какво? – продолжила я. – Он увидел свой портрет!

– Жаль, что он там только до пояса, а то бы я еще кое-куда ножики натыкала. Но ты можешь не стараться. Я уже согласилась пойти с ним на свидание, – сообщила она равнодушно.

– Правда?

– Всего лишь ужин. Дам ему шанс оправдаться.

– Это хорошо, – выдохнула я.

– А я бы на твоём месте дала шанс вчерашнему воздушнику, только чтоб побесить Ровену, – хмыкнула Миранда.

Я промолчала, но в сердце моем потеплело об одном лишь воспоминании о Кевине. Утром я написала его имя на запотевшем после душа зеркале. Потом, конечно, стерла. И никаких сердечек, я же не Селеста.

– Ко мне ночью являлось привидение, – вспомнила я. – Либо же это был очень реалистичный сон.

– Вот и еще один повод грохнуть ректора, – вздохнула Миранда. – Это Мисси. Она в него влюблена и считает меня соперницей. Каждую ночь является в мою комнату и требует оставить его в покое.

– Почему ты не предупредила? – возмутилась я.

– Да она, в общем, безобидная. Хотя не так давно предла-

гала мне покончить жизнь самоубийством. Обещала провести в мир духов и стать моей верной подружкой.

– Заманчиво, – усмехнулась я. – А от чего она умерла?

– Не удивлюсь, если это ректор довел ее до ручки.

Миранда доела булочку, выпила компот до последней капли и вопросительно на меня посмотрела.

– Пойдем на занятия?

– Ты тоже пойдешь? – удивилась я.

– Раз уж моя тактика не сработала, попробую твою, – пояснила она. – Стану самой прилежной студенткой, чтобы ни один препод не смог отчислить такую заучку.

Глава 9. Звезда хаоса

Вводный курс наследственности хаоса вела Беата Флоран, легенда академии и бессменный секретарь уже пяти ректоров. Ее возраст давно перевалил за сотню, а может, и две, однако Беата была анимагом уровня мастера, а значит, к ней неприменимы обычные людские мерки.

Ведь и она уже и не человек.

Беата приспустила очки на кончик носа и внимательно осмотрела всех первокурсников, входящих в кабинет.

А мы пялилась на нее. Кожу Беаты почти полностью покрывала древесная кора – грубая на лбу и скулах, чуть тоньше и светлее на носу и подбородке. Ресниц и бровей не было вовсе, рот выглядел трещиной, оставленной топором, а на шее мягким шарфиком зеленела полоска мха. Беата протянула руку, и плеть, похожая на гибкий корень, выросла из широкого серого рукава и метнулась к доске на стене, ловко подхватывая кусок мела.

– Приветствую, носители хаоса, – сказала Беата, быстро рисуя на доске шестиконечную звезду. – Я – мастер Флоран, можете звать меня просто Беата. Четыре девушки, надо же. В этом году на балу кое-кто щелкал клювом.

Она поскребла себе голову пальцами-сучками другой руки, и ее волосы, зеленые и короткие, как травка, немного примялись на сторону.

– Прошу прощения, – пробормотала она. – Кажется, у меня завелись короеды. Так зудит...

Налив в стакан воды из графина, Беата опрокинула его себе на голову. Волосы зашевелились, а после бодро встали торчком, как майский газон. Струйки воды потекли по одревесневшему лицу, и Беата слизнула каплю длинным лягушачьим языком.

– Садитесь же, – сказала она.

Мы тихо расселись, причем за первую парту, передо мной, села Миранда. Обернувшись, она подмигнула и прошептала:

– Если бы я знала, что тут такие кадры, ходила бы на лекции чаще.

Рука-ветка метнулась к ней, обхватила голову и развернула в сторону доски.

– Не болтать, – строго сказала Беата. Второй рукой она дорисовывала схему на доске, и получалось на удивление ровно и красиво, хоть мастер Флоран в это время смотрела на Миранду. – Раз уж решили не запечатывать хаос, то наверняка хотите узнать, что ждет вас в Лабиринте.

Ветка-рука разжалась, и Миранда тут же снова повернулась ко мне и закатила глаза.

– Беру свои слова назад, – прошептала она.

– Итак, – Беата указала на верхний луч звезды. – Воздушники.

Я быстро открыла тетрадку и принялась перерисовывать звезду.

– Самая распространенная стихия. Легко отзывается, легко покоряется, наследственность доминантна. Если на-вскидку, – она прищурила один глаз, и ее длинная рука протянулась к парням, сидящим за последними партами. – Ты, ты и ты, – ткнула она в макушки, задумалась немного, – и может быть ты.

Первый семестр девушки обучались отдельно, и теперь я, обернувшись, с любопытством рассматривала сокурсников. Их было четырнадцать, вместе с нами – восемнадцать. Кудрявый блондин, которого Беата назвала последним, перехватил ее руку-ветку и галантно поцеловал.

– Я стану кем вы прикажете, мастер Флоран, – сказал он.

Она, нисколько не смутившись, потрепала его волосы и втянула руку назад в рукав.

– Следующий луч – анимагия, – продолжила Беата. – Легко отзывается, не так просто покоряется, доминантна по отношению к последующему лучу. Ты, – она указала на темно-волосого парня, которого я уже видела на спортивной площадке. – Джафри Хогер, верно? Наш волчонок-метаморф.

Он угрюмо кивнул и, даже не обернувшись, поймал бумажный шарик, который в него швырнули с задней парты. Положив шарик на стол, старательно записал что-то в тетради.

– Это Джаф, – прошептала Миранда. – Я вас потом познакомлю.

– Шикарная магия, хочу отметить, – произнесла Беата, до-

вольно шурясь. – И я бы могла рассказать вам о ней очень многое, но перейдем к следующему лучу – вода. Затем идет огонь, некромантия и, – она сделала паузу, – путники.

Я переписала схему, но последний луч у меня получился кривым.

– Воздух, анимагия, вода, огонь, некромантия, путники, шесть форм, которые может обрести ваш хаос в лабиринте. Каждый из них является доминантным по отношению к последующему. То есть если женщина-анимаг, а мужчина – воздух, то их дети получают стихию воздуха в девяноста процентах случаев.

За задними партами послышались смешки и перешептывания.

– А вот если, допустим, женщина-анимаг решит родить ребенка от мага-воды, то у них скорее всего родится анимаг.

Беата прошла туда-сюда перед доской, и я заворуженно уставилась на ее ноги – под серой юбкой клубились корни, переползая по полу змеями.

– Теперь отметим два треугольника: воздух-вода-некромантия, анимагия-огонь-путники. В первом треугольнике доминирует, естественно, воздух, однако остается вероятность не менее тридцати процентов, что ребенок получит рецессивную магию второго родителя в случае воды, и десять процентов в случае некромантии. Аналогично в следующем треугольнике, – она пристально посмотрела на Миранду. – Да, моя болтливая девочка. У твоего отца была магия огня,

однако ты можешь выйти из лабиринта такой как я.

– Вот это поворот, – пробормотала Миранда, делая записи в тетради.

– Однако, – Беата не сводила с нее взгляда, – запечатывание второго родителя до прохождения лабиринта сводит эту вероятность до жалких пяти процентов. Если же запечатанными были оба, то мы возвращаемся к стандартному распределению.

Она быстро запустила руку в волосы и, покопавшись там, вытащила жучка с глянцевой черной спинкой. Придирчиво его рассмотрев, положила жука в рот и с хрустом разжевала.

– Еще один момент, который стоит отметить: противоположные лучи гасят друг друга, добавила мастер Флоран. – Дети рождаются без хаоса. Впрочем, раз уж вы здесь, ваши родители оказались не из этих лагерей.

Ровена подняла руку.

– Да, – кивнула Беата.

– Это единственная вероятность появления ребенка без хаоса у родителей-магов? – спросила она.

– Нет, – ответила мастер Флоран. – Если род из поколения в поколение берет лишь одну стихию, то хаос постепенно уходит. Так что вам, Тиберлонам, неплохо бы разбавить кровь каким-нибудь анимагом.

Она кивнула в сторону Джафа, и Ровена брезгливо сморщила нос.

– Путники, – сказала Беата. – Последний луч звезды, ре-

цессивный по отношению ко всем остальным. Они бы полностью исчезли, если бы не одно «но», – она обвела нас взглядом. – Иногда путники появляются несмотря на то, что для этого нет никаких предпосылок. Один мизерный шанс на миллион.

Все притихли, пытаясь уложить в голове всю эту хитрую схему с наследственностями и осознавая, что у каждого есть вероятность не выйти из Лабиринта, отправившись вместо этого вдаль по бесконечным дорогам.

– Теперь каждый, зная, кто его родители, пытается просчитать вероятность наследственной формы хаоса, – сказала Беата. – Приступаем.

Я подняла руку.

– Да, Арнелла.

Похоже, Беата знает каждого ученика.

– А что, если я не знаю, откуда во мне хаос? – пробормотала я.

– Так я тебе скажу, – улыбнулась она. – От одного из родителей. Мама не маг, хотя способности к разрушению у нее побольше, чем у иного огневика. А папа?

– Он тоже... Обычный.

– Дедушки-бабушки?

Я покачала головой.

– Кто-то все же был, – ответила Беата. – Ах да, я ведь отправляла запрос в архив по твоему делу! Действительно, в роду твоего отца магов не нашлось, а родословную матери

удалось проследить лишь на четыре поколения, и там тоже пусто. Видимо, выстрелило что-то из далеких времен. Либо же кто-то сходил налево... Кстати, хорошо, что ты напомнила, – она вновь повернулась к доске. – Если один из родителей маг, а второй – человек без хаоса, то наследственность обычно прямая, хотя остается вероятность пять процентов на магию из того же треугольника. Ладно, для тех, кто запутался в переплетениях собственной семьи, вот вам задачка: студент-первокурсник, носитель хаоса, отправляется в Лабиринт. Его отец – маг-огня, мать с запечатанным хаосом. У матери родители анимаг и вода. Просчитайте все вероятности, кем этот студент выйдет из Лабиринта.

Все пыхтели над конспектами, лишь Айрис Рок, сидя за партой у окна, смотрела в небо, будто все это ее вовсе не касается. Селеста говорила, что дед Айрис некромант, а больше из магов нет никого. Прямая наследственность. Значит – я глянула в конспект – остается пять процентов на магию из родственного треугольника: воздух и вода, и еще тот самый крохотный шанс, что Айрис станет путником. Покончив с ее наследственностью, я вернулась к задаче Беаты Флоран.

Когда урок закончился, я вышла из кабинета с головой пустой как дупло, и гудящей, точно туда запустили рой пчел. Миранда догнала меня в коридоре и приобняла за плечо.

– Итак, Арнелла, что мы выяснили на этом несомненно интересном занятии?

– Что?

– Во-первых, спасибо, что заставила меня сюда пойти, – сказала она, шагая рядом.

– Я не заставляла.

– Ты привела разумные доводы, а я очень поддаюсь на такие штуки. Во-вторых, у меня есть шанс стать путником.

Я посмотрела на Миранду, и она довольно улыбнулась, увидев шок на моем лице.

– Это ведь самая классная магия! Ты только представь – полная свобода, идешь куда хочешь, никаких правил, никаких ограничений.

– Да о путниках толком никто ничего не знает!

– И главное, – не обратила она внимания на мое возражение, – ты только представь себе рожу ректора, если я не выйду из Лабиринта.

Она рассмеялась колючим смехом, от которого у меня по спине побежали мурашки.

– А в-третьих... – она замолчала, подбирая слова, и я невольно насторожилась. – Хаос, как мы выяснили, наследственная штука. Из ниоткуда он не берется. Так утверждает женщина, которая ест жуков, и я склонна ей верить. И я тут подумала. А что, если твоя маман так орала именно поэтому? Что, если она знает, откуда в тебе хаос, и ей совсем не нравится, кем ты можешь стать?

Я выронила учебники и присела, чтобы собрать их, но Миранда опустила вместе со мной.

– Уходишь от разговора, – она подала учебник по некро-

мантии, и мне стало неуютно до дрожи под прицелом ее черных глаз. – Подумай над этим, Арнелла.

***

Мы прошли через центр академии, где до самой крыши вилась двойная спираль вечно горящих свечей, и направились в крыло некромантии. Окон не было вовсе, но из-под пола струился бледный сиреневый свет. Я не заходила тут прежде, поэтому с радостью отвлеклась от непростых мыслей и рассматривала все вокруг с детским любопытством. Стены наощупь оказались шершавыми и прохладными, двери напоминали черные провалы гробниц. Позади оставались зеленоватые следы, как в вязком болоте, которые быстро затягивались фиолетовым.

– Мрачненько, – одобрила Миранда. – Нам, видимо, туда.

Впереди одна из дверей была открыта, и в проеме виднелся мужской силуэт.

– Приветствую, личинки хаоса, – произнес мужчина и посторонился, пропуская нас в кабинет.

– «Носители хаоса» мне нравилось больше, – пробормотала я себе под нос, однако тут же поймала на себе взгляд ярких зеленых глаз.

Преподаватель некромантии оказался довольно молод. На вид. Кто его знает, сколько раз он уже прогонял свою смерть от порога. Высокий, стройный, зеленоглазый, волосы белые как молоко. На правой щеке тонкая сеточка шрамов – видимо, без шрамов преподавать в академии не положено.

– Ты, – обратился вдруг он к моей новой подруге. – Девочка ректора. Если думаешь, что я, как и остальные преподаватели, отправлю тебя в Лабиринт из уважения к Адалхарду, то очень сильно ошибаешься.

– Да! – Радостно воскликнула она и прижала руки к груди. – Запечатайте меня полностью!

Он посмотрел на нее удивленно и кивком головы пригласил войти.

В кабинете не оказалось ни окон, ни парт, ни столов, и мы, как цыплята, собрались кучей, стараясь держаться вместе.

Дверь захлопнулась как крышка гроба. Некромант обвел нас взглядом и плотоядно улыбнулся. Точь-в-точь белая лисица, поймавшая зайчонка.

– Ложитесь, – приказал он.

Кудрявый блондин, который лобызал руку Беаты, поспешно сел, Ровена тоже присела и провела пальцами по полу, будто проверяя, достаточно ли чисто, мы с Мирандой переглянулись. Джаф медленно шел вдоль стены кабинета, пригнувшись. Пахло влажной землей и травами. Приятно пахло, на самом деле. Айрис уже растянулась на полу, и сиреневая дымка с зелеными прожилками накрыла ее полностью. Смотрелось жутковато.

– Вам нужно отдельное приглашение, дамы? – поинтересовался некромант. – Я говорю – вы делаете. Ясно?

Я нерешительно опустилась на пол, который слегка пружинил, но был приятно теплым. Миранда легла рядом со

мною, и некромант отошел укладывать парней, что мялись у стены.

– А он ничего, – прошептала Миранда. – Властный такой. Даже заводит.

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Я – мастер хаоса, боевой некромант Моррен Изергаст, – голос его гудел, отражаясь от стен, шаги убаюкивали равномерным ритмом. Сиреневая дымка плавала у меня перед глазами, и я словно погружалась в сон. – На занятиях по некромантии перед прохождением Лабиринта мы будем учиться чувствовать энергию смерти. Да, мои маленькие личинки хаоса, в смерти есть энергия, и сила ее велика, но хорошо, если хоть один из вас сумеет ее постичь.

Шаги его раздались совсем близко, а после остановились.

Я видела его силуэт надо мною, зеленые глаза горели как болотные огни. Обманчивые, манящие, далекие. Пойдешь за ними – пропадешь навсегда.

– Вы умираете.

Голос мастера Изергаста стал мягким и бархатистым, как кошачьи лапки.

– Вы умираете каждый день. Смерть уже внутри каждого из вас, ждет подходящего момента, чтобы впустить свои когти в ваши слабые тела.

Я скосила глаза на Миранду. Та спокойно лежала рядом и улыбалась. Я чуть сдвинула руку, чтобы наши пальцы соприкоснулись, и Миранда тут же сжала мою ладонь в своей.

Стало куда спокойнее.

– Дыши глубже, – голос некроманта звучал где-то в моей голове. – Сердце бьется ровно и спокойно. Ты умираешь...

Я плыла куда-то по теплой реке, надо мной вспыхивали и гасли звезды, и бесконечное спокойствие охватило все мое тело. Две звезды вдруг стали больше и ярче, приблизились ко мне, обдавая желтым светом, и я узнала глаза путника.

– Подумай над этим, Арнелла, – прошептал голос Миранды. – Подумай...

Глава 10. Свидание

Миранда пришла вовремя – появилась тонкой тенью у входа на территорию академии и, кивнув, молча скользнула внутрь экипажа, проигнорировав протянутую руку. Она забилась в самый уголок, демонстративно избегая даже прикасаться к Родерику, и он лишь молча выругался про себя. И как с такой поладить? Того и гляди, зашипит как рассерженная кошка, а потом бросится и выцарапает когтями глаза. А в том, что у Миранды есть и когти, и острые зубы, он не сомневался.

– Я заказал столик в одном из ресторанов Фургарта, – сказал он, когда экипаж оторвался от земли.

В лучшем ресторане. Этот вечер должен стать максимально романтичным, чтобы даже ледяное сердце огненной красотки дрогнуло и растаяло.

Миранда молчала, и ее черные глаза казались бездонными дырами.

– Ты очень красивая, – заставил себя сказать Родерик.

Она отвернулась и посмотрела в окно. Академия осталась позади, и теперь внизу расстилалось бурое море жухлой травы.

– Когда наступит весна, все тут будет в цветах.

Тишина была ему ответом. Родерик вздохнул и отвернулся к другому окну.

Они прибыли через полчаса гнетущего молчания. Родерик открыл дверку и принципиально подал руку. Конечно, Миранда вышла сама, придерживав длинную черную юбку.

– По ком ты носишь траур? – не выдержал он.

– По себе.

– На вид ты вполне живая, – не удержался Родерик. – Может, хватит драмы? Да, я отменил твою свадьбу, но разве стоит жалеть о мужчине, который так легко от тебя отказался? Да, тебе пришлось уехать из дома. Но разве здесь не интереснее? Да, твой хаос не запечатали, как планировалось. Но ты уверена, что хочешь этого?

– Если во мне и правда огонь, то его запечатают после, – ответила она. – Разве нет?

Родерик подавился ответом и последовал за девушкой, которая вошла в гостеприимно распахнутые двери ресторана. «Магия вкуса» – так он назывался. Тут работал стихийник огня. Совсем слабый, его даже ни разу не взяли в патруль, но это не помешало ему стать лучшим поваром в мире.

Их провели к дальнему столику, и Родерик отметил, что все сделали, как он и просил: свечи, цветы, скрипач чуть в отдалении уже прилаживал смычок, и нежная музыка совсем скоро полилась по залу. Народу было немного, на зиму многие уезжают из Фургарта. Тихий перезвон серебра, приглушенный свет, и женщина напротив, глядящая на него с неприкрытой ненавистью.

К ним подошел официант, и Миранда, к удивлению Родер-

рика, сделала большой заказ. Он бы предположил, что дама скорее будет цедить стакан воды и разве что плевать время от времени.

– Как прошел твой день? – решил он начать с ничего не значащих вопросов.

– Неплохо, – ответила она.

– Ходила на занятия?

– Да.

Очень информативно.

– А где ты была ночью?

– Не твое дело.

– Мы помолвлены, Миранда, – он все же не сдержался.

– Нет, Родерик, не помолвлены, – возразила она. – Ты получил от императора разрешение на брак, но не дал ему хода. Тебе надо сперва убедиться, что хаос во мне примет стихию огня. Так что я совершенно свободна и могу проводить ночи с кем и где захочу.

Выдав эту тираду, он отпила воды и с вызовом посмотрела ему в глаза.

Крыть было нечем.

– Ты не справишься с учебной программой, если не будешь высыпаться, – сказав это, он тут же почувствовал себя бабушкой.

– Ничего, на некромантии отосплюсь, – улыбнулась Миранда.

Уже что-то.

– Мастер Изергаст – очень интересный мужчина, – продолжила она, и Родерик невольно заскрежетал зубами.

– Ты у него была этой ночью?

– Не твое дело, – ответила она, глянув в сторону. – Можно обратиться к музыканту? От его скрипки у меня голова болит.

Родерик вздохнул и взмахнул рукой. Скрипач, кивнув, ушел. Вскоре официант подал блюда, и Родерик принялся за сочное мясо, приготовленное так, как он любил – с поджаристой корочкой и сочное внутри. Свидание не задалось с самого начала, но готовят в «Магии вкуса» отменно.

Миранда тоже ела с аппетитом, смакуя овощи-гриль и куриные крылышки с таким наслаждением, что Родерик невольно залюбовался. Его невеста с характером и, похоже, гулящая. Но чего еще он ждал от девушки с магией огня? Он и сам раньше был влюбчив и натворил такого, о чем предпочитал не вспоминать. Пройдет немало времени, пока Миранда научится сдерживать свой огонь.

– Давай начистоту, – сказала она, облизнув яркие губы. – Что тебе от меня надо? Ты можешь принудить меня выйти за тебя замуж, но я устрою тебе такую жизнь, что мало не покажется, обещаю. Так не проще ли найти другую стихийницу огня? Запечатанную, послушную девочку, которая будет счастлива стать госпожой Адалхард. Если не знать, какая ты скотина, то чисто внешне можешь сойти за нормального. Женишься быстро, пока та бедная глупышка не поймет, с кем связалась, заделаешь ей малыша, носителя огня. У меня

ведь, как ты конечно знаешь, это может стать проблемой.

Он был полностью согласен с ее рассуждениями. Все верно. Если бы ему нужны были дети.

– Однако ты находишь еще не запечатанную девушку, – продолжила рассуждать Миранда, и, протянувшись через стол, наколола на вилку помидорку, так что сок брызнул Родерику на рубашку. – Упс, – сказала она. – Возникает вопрос – зачем? Сегодня у нас было занятие по Наследственности хаоса. Мудреная штука, хочу заметить. Все не так прозаично, как хотелось бы, да. Я просчитала свою наследственность. Я могу стать огнем, анимагом, путником. Это если моя мать, запечатанная магичка, действительно была потенциальным огнем. Но в ее роду магию запечатывали очень долго. Узнать, что именно текло в ее венах, невозможно. Я могу оказаться кем угодно, Родерик.

– Вот и узнаем. После Лабиринта.

– Слушай! – протянула она. – А не проще ли тебе жениться на обычной женщине? В этом случае наследственность прямая! И вы с императором получите своих огневинок, если они вам так позарез нужны. Кстати, я узнала, у нас в академии на втором и третьем курсе таких штук десять. Да, немного, но больше, чем некромантов.

– А ты не хочешь допустить, что я вдруг влюбился в тебя всей душой?

Миранда приснула, а после расхохоталась, промокая салфеткой выступившие слезы.

– Родерик!

Он обернулся и, встав, пожал руку Энцо Лефою.

– А я думаю, у кого это спутница такая хохотушка, – Энцо галантно поклонился Миранде. – А это ты, мой друг, не теряешь формы.

– О да, – согласилась Миранда, приступая к десерту. – Такой юморист.

– Вы не позволите украсть его у вас буквально на минутку? – спросил Энцо.

– Забирайте хоть навсегда, – щедро предложила она, зачерпывая полную ложку клубничного мороженого.

Родерик отошел в сторону за другом, который отчего-то вцепился ему в локоть как клещ.

– Ты тут один?

– Да, – ответил Энцо. – По правде сказать, я пришел сюда ради тебя. Это ведь мой ресторан, и я узнал, что ты заказал здесь столик.

– Обслуживание, еда – все высший класс, – похвалил Родерик. Спутница не та, но это не вина Энцо. – Ты что-то хотел?

– Да, – друг быстро облизал и без того влажные губы, отвел глаза. – Такое деликатное дело... Не знаю даже, с чего начать.

– Проблемы с Эмметом?

– Нет, нет, он, конечно, не самый прилежный студент, но справляется, – Энцо выдохнул. – Ты ведь помнишь Кармеллу

Алетт?

– Тааак, – протянул Родерик. – Помню. Ее не забыть.

– Потрясающая женщина, – оживился Энцо. – Такая красotka, живая, энергичная...

– Не то слово, – кивнул он.

– Я за ней, вроде как, ухаживаю, – друг расстегнул пуговицу светлого пиджака, сидящего на нем слишком туго, потом снова застегнул, потерял запонку с крупным сапфиром.

– Я, кажется, догадываюсь, к чему ты ведешь, – вздохнул Родерик.

– Она боится за свою дочь и настаивает на ее исключении из Академии, – выпалил на одном дыхании Энцо.

– Нет, – ответил Родерик так быстро, что друг опешил: его брови дернулись вверх, а губы поджались в тонкую линию.

– Я умею быть благодарным, ты же знаешь, – сказал Энцо. – Это важно для Кармеллы, а значит, и для меня. Скажи, сколько?

– Нет, – покачал головой Родерик, досадуя на то, что дружбе, похоже, пришел конец. – Ты уверен, что тебе нужна женщина, которая в самом начале отношений с такой легкостью тобой манипулирует?

– А мне и нужна такая! – запальчиво ответил Энцо. – Кармелла наслаждается каждым днем, берет от жизни все и не боится хотеть еще большего. А если ты заглянешь в магическую управу и посмотришь на ее портрет в галерее...

– Так она же не маг, – нахмурился Родерик.

– Так она там с дочкой, – ответил Энцо. – Послушай, друг, ты знаешь, через что я прошел. После смерти Алисы я был вне себя от горя, и Эммет... Хотя и до ее самоубийства наш дом походил на могилу. Ей не надо было ничего. Равнодушная, холодная...

– Я хорошо помню Алису, – перебил его Родерик. – Я помню ее и до запечатывания, и после. Ты хочешь такой судьбы для Арнеллы? Сколько по-твоему это должно стоить?

Энцо открыл рот и закрыл, а после развернулся и пошел прочь.

Родерик сел за стол, чувствуя себя так погано, словно окунулся в грязную лужу. Но до чего же упертая женщина! Взятку решила предложить!

– Я слышала имя Арнеллы, – сказала Миранда. – Что там с ней?

– Не твое дело, – резко ответил он, взял чашку кофе, который успели принести, и, шикнув, отдернул руку.

Темные брови Миранды приподнялись, а глаза расширились от удивления.

– Маг огня обжегся чашечкой кофе? – задумчиво произнесла она. – Как интересно...

***

На обратном пути Миранда села напротив и уставилась на Родерика тяжелым немигающим взглядом.

– Здесь темновато, – сказала она. – Может, огоньку?

– Вот поэтому женщин со стихией огня сразу и запеча-

тывают, – проворчал он, выглядывая наружу, будто заинтересовавшись огнями Фургарта. – Мы летим. Воздух, ветер, любая искра – и экипаж через минуту превратится в факел. Это опасная магия, Миранда, привыкай думать, а потом уже делать.

Девушка хмыкнула, и как-то сразу стало понятно, что она не поверила ему ни на грош. Плохо. Очень плохо. Наблюдательная и сообразительная, как некстати.

– Я немного замерзла, – пожаловалась Миранда и, склонившись, положила ладонь ему на бедро. Облизав губы, доверительно прошептала: – Говорят, маги огня всегда горячи. Это так, Родерик?

– Хочешь проверить прямо сейчас? – улыбнулся он.

Она провоцировала его, играла, как кошка с мышью. Девчонка из глухомани оказалась серьезным противником.

Откинувшись назад на спинку сиденья, Миранда медленно расстегнула несколько пуговиц на черной блузке. Белая атласная кожа, казалось, светилась в полумраке.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– А ты как думаешь, – улыбнулась она. – Прикоснись же ко мне, мастер Адалхард. Дай почувствовать твой огонь.

– Не боишься обжечься?

– Как ты о чашку кофе? – она нагло ухмыльнулась.

Он пересел на ее сторону сиденья, обхватил белую шею ладонью, вторую руку запустил в рыжие волосы, слегка потянув их назад. Венка под его рукой забилась быстрее. Как

бы Миранда ни хорохорилась, она просто девчонка. Молодая, наивная, еще недавно влюбленная в какого-то остолопа. Такую легко обмануть романтическими бреднями.

– Говорят, если два мага одной стихии любят друг друга, то их силы умножаются, – сказал он тихо, глядя в черные глаза девушки и поглаживая гладкую кожу на шее. – Богов изображают с двумя лицами не просто так. Мужчина и женщина, две половинки. Если они находят друг друга, то становятся равными богам.

Миранда дернула головой, оттолкнула его руку и пересела на другую сторону.

– В этом все дело? – хмуро спросила она, застегивая пуговицы. – Ты хочешь усилить свою магию, заполучив мою? Ты собираешься украсть ее у меня?!

– Успокойся, – устало вздохнул он, отворачиваясь к окну. – Ничего я красть не собираюсь. Все твое останется при тебе.

– Так скажи прямо, Родерик. В чем твоя проблема, кроме того, что ты самовлюбленный, наглый, эгоистичный мерзвец?

– А еще я старый, бедный и больной, – улыбнулся он уголком рта, вспомнив, какой характеристикой наградила его Арнелла.

Надо бы приглядеть за девочкой. Очевидно, что ее мать не отступится.

– Я в шоке, – с наигранным ужасом произнесла Миран-

да. – Разве ты бедный? Я надеялась пустить по ветру твое состояние, а теперь выясняется, что и пускать-то нечего! Как подло!

– Ты же, вроде, не хотела выходить за меня замуж.

– Догадливый какой, – похвалила она его.

– И ты... скажем, не особенно твердых моральных устоев.

Миранда прищурила глаза, как будто раздумывая, не дать ли ему пощечину. Наверняка рука у нее окажется еще тяжелее, чем у Арнеллы.

– Приму твое молчание за согласие, – кивнул Родерик. – И хочу сделать тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.